

Hinein in den kommunist
Jugendverband

Wolle lehen

СМЕРНА

23-24

КОМСОМОЛЕЦ, ГРАНИЦУ ОСМАТРИВАЙ В ОБА

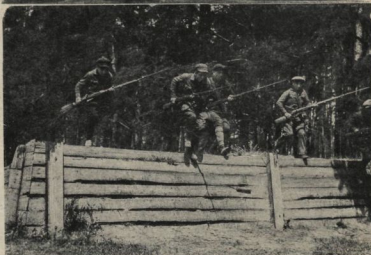

Семнадцать и двадцать
нам только и лет.
Придется нам драться—
хотим или нет.

Антановы цуцики
ждут гзызни.
Маршал Пилсудский
шпорой звенит.

Выгладь да выравни
шрапнельный станок!
Дисциплинированной
стань у станка.

Войной
буржуи прутся,
к лету,
и зиме-ль,—
смахнет их революция
с ихних земель.

В. МАЯКОВСКИЙ

МЫ РАБОТАЕМ НА МИРОВУЮ РЕВОЛЮЦИЮ

→ **СВЕРДЛОВСК. НЕВЬЯНСКИЙ ЦЕМЕНТНЫЙ ЗАВОД.** Выпавший из трубопечи № 2 кирпич вынул астанков. Угрожал трое суток простоя. Завехом Лурье и его помощник комсомолец Бурдюков вошли в печь при температуре в 100 градусов. Рискуя жизнью, инженеры принялись за задачу пятна и выполнили задачу баестиче. Печь была пущена через два часа после аварии. Это сократило заводу 10 000 рублей, стране — 2 500 бочек клинкера.

→ **СТАЛИНГРАД. ТРАКТОРОСТРОЙ.** Большая часть оборудования поступает ночью. Силами комсомола и беспартийной молодежи выгружено с 24 мая по 3 июня 144 вагона оборудования. Почти на 90 процентов разгрузили и располагая монтаж комсомол своими силами под руководством инженерно-технического персонала и квалифицированных технажников.

→ **СТАЛИНСКИЙ ОКР. МАНЕЕВСКИЙ ЗАВОД.** Комсомольская ячейка организовала ударную бригаду для ликвидации прорыва по печи № 2 доменного цеха — самой худшей печи цеха. 16 комсомольцев других квалификаций переброшены на работу каталей ввиду нехватки последних. 42 комсомольца, 70 человек беспартийной молодежи и 60 взрослых рабочих приступили к работе.

→ **ОМСК.** Комсомольцы паровозоремонтного завода им. Рудзутака к XVI съезду выпустили сверх плана из ремонта 10 товарных вагонов. Рабочие завода, поддерживая инициативу комсомола, выпускают добавочно 10 товарных вагонов, один пассажирский и один паровоз.

→ **РОСТОВ-НА-ДОНУ.** В шахтах крупнейшей прорыв. С января по 20 июля шахты недодали стране 230 тысяч тонн угля. Ежедневно долг растет на 4 тысячи тонн. Краевой и шахтинский комитеты комсомола обратились с воззванием к горняцкой молодежи ликвидировать прорыв.

В шахтах происходят массовые субботники. Только в первые дни бесплатной работы молодежь дала свыше 1 000 тонн, 300 человек переброшено с поверхности на подземные работы. Комсомольцы поверхностных ячеек ночами и в выходные дни работают в запасных забоях.

Текущая рабочая снижает добычу. Крайком создал угольный комсомольский батальон в тысячу человек.

→ **АРМАВИРСКИЙ ОКРУГ, ХУТОР ПРИВОЛЬНЫЙ.** Комсомольцы хутора Привольного, Александровского района, организовали первый в районе красный хлебный обоз. Несмотря на злостную агитацию и угрозы кулацкая, комсомольцы мобилизовали бедняков и середняков на степерцетное выполнение августовского плана.

→ **ГАЗЕТА «ТРЕВОГА» СООБЩАЕТ:** Комсомолец — кавалерист Черепанов бросился в контратаку на белокуитайцев — налетчиков со словами: «За мировую революцию! За диктатуру пролетариата!» Его пример увлек весь эскадрон, обративший противника в бегство.

ПРОГРАММА КИМ'а ГОВОРИТ:

Мировая революция началась победоносным Октябрьским восстанием русского пролетариата. На громадной территории в Европе и Азии, образующей одну шестую часть земного шара, рабочий класс завоевал власть и образовал Союз Советских Социалистических Республик. В Союзе ССР строится социализм. СССР стал, таким образом, оплотом международного рабочего класса, имеющего теперь и государственную опору. Живой пример СССР действует революционизирующим образом на массы трудящихся; одно это существование свидетельствует о смертельной болезни империализма. Империализм стремится к тому, чтобы путем новой экономической блокады и контрреволюционных заговоров, путем интервенции и войн уничтожить СССР, однако, он тем самым лишь роет свою могилу, в которую его свергнут возмущенные массы всех стран.

П Р О В А Л

«Долг распространения коммунистических идей включает в себя особенно необходимость настоящей систематической пропаганды в войсках. ТАМ, ГДЕ ЭТА АГИТАЦИЯ ПРЕЩАЕТСЯ ИСКРАМИТЬСЯ, ТАМ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ЗАКОНАМИ». ОНА ДОЛЖНА ПРОИЗВОДИТЬСЯ НЕЛЕГАЛЬНО. Отказ от такой работы был бы равносильным революционному несоответствию с принадлежностью к III Интернационалу. ЛЕНИН

Отрывок из романа чешского комсомольца Яна Черного достаточно сильно иллюстрирует трудности и промахи в работе комсомола среди солдат. Чешский комсомолец, как и многие другие страды КИМ'а, не нашёл ещё правильных форм и методов массовой подпольной агитации и пропаганды. Опасность нападения на СССР ставит перед всеми секциями КИМ'а задачу усиления антигеновой работы. Отряды КИМ'а должны ещё больше усилить воспитание своего подпольного актива, подчинить индивидуальные настроения отдельных работников комсомольского подполья суровой большевистской дисциплине, овладеть техникой организации нелегальной работы в армии.

Полковник остался один в комнате.

Он, спокойно раздумывая, продолжал курить сигару. Его отставка была predetermined. Этот секретный циркуляр, опубликованный в газете «Советский работник», ему хребет. Еще задолго до этого было ясно, что вернейший ему полк находится не в «порядке». Уже давно, при различных случаях, давали себя знать результаты сабожаго руководства полком. К тому же полковые офицеры подсаживали друг друга, спланировали, ругались. А тут еще эта коммунистическая пропаганда, которая подорвала дисциплину, захватывала весь полк, разложила его. Несомненно, что в этот раз его приверженцы в генеральном штабе окажутся бессильными и ему придется уйти в отставку. Ему! А он собирался быть генералом, собирался подняться на высотнейшую высоту! И теперь неожиданно летит вниз. Он получит отпуск, из которого не вернется. Итак, вместо того, чтобы идти вперед, вместо того, чтобы стоять по главе армии, ему придется вместе с другими полковыми офицерами сидеть на скамейках в городском парке. Вот так финал!

— И все из-за этих сукинных сынов, большевиков, — ударил он кулаком по столу. — Собаки! Их надо убить!

В его мыслях начинал проникать лух надежды. Что же делать? А что если он благодаря своей энергии перевелит всех большевиков в своем полку и этим самым исправит свою ошибку?

Надо действовать. Он сел в кресло и взял телефонную трубку.

— Будьте любезны, полицейское управление. — Господин комиссар? Добры день! Да, да, конечно, читал! Ну как же! По этому-то я вам и звоню. Конечно, об этом нельзя договориться по телефону. Но вы поймете, что дело крайне важное... Нельзя терять ни минуты... конечно, конечно. Что?.. да, об этом-то я и хочу с вами поговорить... Так я вас оживлю господи советник. Захватите с собой надежного человека, да, да. Всего хорошего.

Он положил трубку.

Через полчаса в комнату вошел низкого роста, полный, плешивый господин в американских очках. Он подал полковнику руку. За ним вошел худощавый человек. — Наш агент, господин Мика, специалист в этой области... — представил комиссар худощавого человека. Тот, искусственно улыбаясь, поклонился.

— Очень рад, — сказал полковник. — Прощайте.

Полковник прошелся по канцелярии, открыл дверь и крикнул в соседнее помещение.

— Никого ко мне не пускать!

При этом он старательно закрыл двери.

В тот же вечер Юрий вместе с Тондой, писарем, работавшим в канцелярии, отправился к товарищу Ласку. Из-за того, что встретился с Фрицеком. Накануне у них произошел весьма резкий разговор, поэтому по дороге они почти не беседовали,

Фрицек уже ждал их. Он занервничал в небольшой камерке, в которой всегда происходили совещания между Фрицеком и Юрием.

— Ты читал последний номер «Советского работника»? — спросил Юрий.

— Читал и ужаснулся! — сказал Фрицек. — Как ты мог опубликовать в этой статье секретный приказ? — с ужасом снова спросил Юрий.

— Вот то-то и оно, что ты его не опубликовывал! Я узнал об этом уже в газете. Все это произошло без моего ведома и согласия. Дело Ярки и Тонды, на совести которых лежит опубликование этого документа, будет передано в контрольную комиссию. Я никогда бы не допустил такого неосторожного шага!

Юрий облегченно вздохнул. Он было уже думал, что Фрицек, получив от Тонды секретный циркуляр и не посоветовавшись ни с кем, опубликовал его.

— Так значит Ярка опубликовал эту статью? — воскликнул Юрий.

— Да, Юри, мне признался, что опубликовал. Но думаю, они решили вместе с Тондой, который передал ему содержание этого циркуляра, — сказал Фрицек.

— Я не отказываюсь, я это сделал! — воскликнул Тонда.

Тонда был тщеславным, опрочетчанным человеком, он завидовал успехам Юрия, его популярности среди солдат и членов комсомольской ячейки.

— А почему ты это сделал? — спросил его резко Фрицек. — Ты знаешь, что это значит? Своей глупостью ты можешь погубить все дело. Ты знаешь, что они тебе держат в своих лапах и что ты за это дело отсидишь несколько лет в крепости?

— Глупости, — сказал Тонда.

— Это не глупости. Ты вальмованный и ослепший паренёк, не желающий признать своих ошибок. Ты этим поддерживаешь и нас всех большой опасностью.

— Вот в чем собака зарыта! — воскликнул Тонда, — ты уже устроил, ты боишься! А еще собираешься вести революционную работу среди солдат!

— Брось, Тонда, — сказал спокойно Фрицек, — посмотри, как дело сложится дальше, во всяком случае ответственность за все падает на тебя и на Ярку. А весь вопрос мы поставим на бюро нашей организации. Ты, как и все другие члены нашей организации, должен подчиняться партийной дисциплине.

— Делайте, что хотите. А я буду делать, что я хочу!

Тонда встал и ушел.

Юрий и Фрицек остались один.

— Этот человек опасен, — сказал Фрицек.

— Чрезвычайно опасен, — добавил Юрий. — Своей злобностью он всех нас приведет к тюрьме и сведет нас-нет вас так хорошо налаженную работу. Он совершенно не дисциплинирован. Он анархист...

— Вот что, Юрий, иди в казармы и спидай все, что еще можно спасти. Изолируй

от него остальных ребят. Попытайся овладеть им и уговорить его. Честное слово, я чувствую приближающуюся катастрофу.

Тонда решил действовать на свой страх. Он был оскорблен в глубине своего тщеславия. Они позволяют себе делать ему выговоры! Критикуют его героическую революционную работу! Бездельники! Они трусят раньше, чем успеют что-либо сделать!

Однажды вечером он отправился в город. Долго ходил по улицам и по парку, а затем решил:

— Чего я буду шататься по улицам? Отправлюсь-ка я в «Рабочий дом». Плясать мне на запрещенной Путье видат, что и никого не боюсь! — И он совершенно открыто как в кино, вошел в «Рабочий дом».

В «Рабочем доме» почти никого не было. Только несколько пожилых рабочих сидели за столом и читали газеты. Они читали! Это Тонде не понравилось. Он хотел, чтобы здесь сейчас собрались все комсомольцы во главе с Фрицеком и чтобы они посетовали, с каким презрением он относится к опасности.

Выйдя из «Рабочего дома», Тонда зашел в кофейню. Он сел за стол, заказал себе кофе и демонстративно раскрыл коммунистическую газету. Он делал вид, будто читает, а сам наблюдал за сидевшей в кофейне публикой. Его интересовало, обращает-ли кто внимание на то, как он, солдат чехословацкой армии, читает коммунистическую газету. Однако никто на него даже и не смотрел. Это его тоже разозлило.

Но вот в кофейню вошел новый посетитель. Это был худощавый человек, неопределенного вида. Тонда стал рассматривать его. Худощавый человек в свою очередь поглядывал на Тонду. Их взгляды встретились.

Вдруг он встал и направился прямо к Тонде.

— Извиняюсь, эти газеты свободны? — спросил он, показывая на коммунистические газеты, только что просмотренные Тондой.

— Пожалуйста, возьмите, — ответил Тонда.

— Спасибо, «Рудз Труваво» — мой любимый газет, — сказал худощавый человек.

— Равно, как и моя, — ответил на это Тонда. Человек этот ему определенно понравился.

Неизвестный приподнял брови.

— Насколько мне известно, читать наши газеты солдатам запрещено!

— «Наши»? Разве мы коммунист? Прижайвайте ко мне, — наскоро сказал Тонда. Неизвестный поклонился и сел против Тонды.

— Так вы коммунист? Я это знаю! — Неизвестный пристально посмотрел на Тонду, но ничего не ответил.

«Безусловно, это кто-нибудь из ЦК, подумал Тонда.

— Вы можете со мной говорить без опаски, — сказал вслух Тонда. — Вот убедитесь, — и он показал неизвестному свою партийную билет.

Неизвестный при виде красной книжечки явно обрадовался.

— Ах, как я бываю рад, когда встречаю даже среди солдат мужественных коммунистов. На самом деле, это такая редкость. Мне кажется, что местная организация не уделяет достаточного внимания работе среди солдат. По крайней мере положительных результатов до сих пор не видно.

Эти слова оказали благотворное действие на фантазию Тонды. После этого он начал много распространяться о том, что местное руководство как комсомола, так и партии не уделяет достаточного внимания революционной работе и просто не знает людей, которые бы понимали и умели вести эту работу, говорил о том, что организационный руководитель один оппортунист и что, если бы дело зависело от него, то уже давно были бы положительные результаты. При этом он больше всего говорил о самом себе. Он хвалился своими подвигами, перечислял функции, которые ему вверялись партией, и с таинственным видом рассказывал о каких-то несгалагольного характера заданиях, будто бы полученных им из центра.

Неизвестный прислушивался и кивал головой.

Когда же Тонда кончил, то вдруг сообразил, что слишком далеко зашел и рассказывал слишком много человеку, которого он, собственно, видит впервые и которого он не знает.

Неизвестный заметал его смущение, улыбнулся и сказал:

— Ах да, и не сказал вам своего имени... Будьте любезны... При этом он вытащил из кармана удостоверение с его фотографией. В удостоверении говорилось, что: «товарищ С. Блажек является инструктором коммунистической партии Чехо-Словакии и упомянутым ЦК КПЧ».

Почти Подпись.

— Так, значит, я не ошибаюсь, — подумал Тонда. — Значит, он от ЦК.

— Вы когда отсюда уезжаете? — спросил Тонда.

— Еще несколько дней здесь пробуду, — ответил Блажек.

— Великолепно! Если вы бываете в этой кофейне, то вы можете с нами встретиться еще раз. Я бы вам рассказал несколько забавных вещей о том, как работает местный комсомол и партия. Вы ужаснетесь!

— Так что же, давайте встретимся завтра. Я завтра зайду сюда, — заявил Блажек.

— Хорошо, я постараюсь получить отпуск на более продолжительный срок, чем сегодня, а сейчас, к сожалению, я должен спешить. Ну, до свидания. До завтра!

Он расплатился, взял фуражку и действительно с сожалением вышел из кофейни.

«Товарищ Блажек, он же и полицейский агент Миска, долго смотрел ему вслед».

Я даже и не думаю, что ты, голубчик, так легко попадаешь в мои руки! — сказал он сам себе.

На следующий день Тонда с отпуском в кармане снова готовился отправиться в город, чтобы там встретиться со своим новым другом.

Тонда спешил в кофейню. Но в кофейне его ни сел за стоявший в стороне столик и заказал себе кофе.

Вскоре открылась дверь и вошел тот, кого он ожидал. Тонда сразу засиял. Вышел к нему навстречу и пригласил его к своему столику.

— Я не опоздал? — спросил Блажек.

— Я к вам прямо с совещания с ответственными товарищами. Ах, как с ними тяжело работать...

— Об этом мне можете не рассказывать. Я их знаю. Славно — оппортунисты. Вот и бы мог вам рассказать...

Блажек посмотрел на стоявшую перед Тондой чашку кофе и сказал:

— Не будем же мы пить эту бурду! Давайте-ка лучше попросим бутылочку вина? Знаете, с угаслою.

Тонда почувствовал прилив радости. Член ЦК с ним будет пить вино!

— Пожалуйста, только мои финансы... ну, да вам лучше знать... ведь я солдат!

— Об этом не беспокойтесь, — быстро ответил Блажек. Он подождал официанта и заказал вина.

Тонда достаточно было выпить несколько стаканов, чтобы его язык и так плохо прирешенный, окончательно развалился.

Блажек, которого Тонда считал представителем ЦК, почти при этом не говорил, только слушал и мало пил. Зато Тонда с каждым стаканом вина становился все развязнее.

Когда кофейня стала пустеть, и приближалось время ее закрытия, Блажек сказал: — Товарищ, кафе скоро закроют. Не могли бы вы пройтись со мною. Мне хочется зайти еще в какой-нибудь бар и послушать музыку. Я думаю, что у вас есть время?

Время у Тонды было, так как он получил специальный отпуск, с которым мог прийти в казарму в любой час ночи. Он согласился. Они вышли на улицу. Тонда, уже достаточно опьяневший, продолжал по дороге рассказывать подробности, и говорил так громко, что Блажек несколько раз напоминал ему о необходимости быть осторожным.

Они вошли в бар, где гремел jazz-бэнд, и на эстраде танцевали полуголые женщины.

Блажек-Миска и Тонда уселись за стол. Вскоре на их столе появились бутылка крепкого вина. А Тонда продолжал разговаривать. Он был почти совершенно пьян, выражал готовность немедленно взорвать

казармы, несколько раз пытался громко запеть «Интернационал», Блажек вынужден был его успокаивать.

— А вы можете раздобыть секретные приказы по вашему полку и военные планы? — выпытывал Блажек Тонду.

— Я? Разумеется! Да ведь я же работаю в полковой канцелярии! Через меня вы можете получить все, что вам угодно.

— Вот хорошо, ведь это же для нашего движения имеет огромное значение. Надо добыть все мобилизационные планы и быть в курсе...

— Завтра я вам принесу все! Честное слово! Ждите меня в кофейне! Я принесу вам такие бумаги, что ахнете!

— Этого мне не нужно, да к тому же, зачем вам рисковать собой. У меня другой план, — при этом он понизил голос и стал шептать Тонде на ухо: — У меня есть фотоаппарат. Вы умеете с ним обращаться? Умеете? Вот великолепно. Ну, так вот, я вам его дам, а вы мне сфотографируете наиболее важные документы, хорошо?

— Великолепно, — сказал Тонда. — Еще бы! По мнению Тонды, это была настоящая большинство работа. Конечно! Пусть товарищ Блажек еще сегодня даст ему аппарат, а завтра он принесет снимки. Так Блажек добился того, что ему было надо.

Он уже не считал нужным дальше разговаривать с Тондой, так как считал его величайшим дураком. Он подождал официанта, расплатился и сказал Тонде:

— Идемте.

Они вышли. Тонда поклоивался. Прошли несколько улиц и подошли к одному дому, возле которого и остановились.

— Подождите меня здесь. Я пойду за аппаратом. Временно я проживаю здесь у одной домохозяйки.

У Тонды до сих пор не возникало никаких подозрений. Он был пьян. Поступно остановился возле дома и ждал. В голове у него возникли дикие планы.

Через некоторое время открылись ворота. Блажек вернулся. Он нес под мышкой большую портфель.

— Ну, я захватил аппарат с собой и несколько пластинки. Вам нужно будет только заснять, я приведу в гал. Теперь я прокую вас до казарм.

И они направились к казармам.

— Завтра ты получишь, дурак! — подумал, улыбувшись, Блажек.

И с сознанием человека, хорошо проделавшего свою работу, он вернулся домой.

Тонда астал с тяжелой головой. Он чувствовал похмелье. Было еще раннее утро. Он взял портфель с аппаратом и побежал в канцелярию. Там он решил быстро сделать несколько снимков с документов, которые вчера пообещал «товарищу» Блажеку.

Описание см. на 6 стр.

О ТЕХ, КТО ВРЕМЕНИ НЕ ПО ПЛЕЧУ

Письмо из Берлина
О. РЕММЕРА

На ровной дорожке отступающих бывает не много. Тесные ряды идущих в гору начинают расстраиваться. Уходят слабые. Те, кому тяжесть победы не по плечу, начинают колебаться. Такие стараются найти оправдание своей слабости. Так сейчас и в коммунистическом движении.

Водна революция вновь поднялась, революция пошла на подъем. Разве не говорит об этом героическая стачка последних лет?

Положение вожака усложняется, когда пролетарии переходят от пассивной защиты к контратакам. Тогда позавчера мажоры, пустословы. Тогда обнаруживается меркный лик диктатора, правого оппортуниста, тогда явно можно услышать фальшь и устаревшую революционную фистуле «слевого» фраера.

Перед вами рудники в Микунльцтоне в Верхней Силезии. Здесь работают 3200 рабочих.

Подорожков среди них до шестисот. Подорожки до 16 часов работают под землей не меньше 8 часов в день. Получают за это 3-4 марки в день. Эта голодная зарплата уменьшается регулярными штрафами. Администрация отнимает у подорожки штрафов не менее 30 марок в месяц. В 1925 и 1927 годах молодежь бастовала, протестуя против штрафов, но порядки от этого не изменились.

В сентябре прошлого года рабочие-подорожки по почину 3 молодых беспартийных горняков отказались сдаться в шахты и обновили забастовку. Так забастовали 500 подорожков.

Директор, напуганный забастовкой, обещал отменить штрафы с сентября. И когда бастующие подорожки отказались от этой подачи, он начал пожимать. Ребята заперлись в рабочем домике и выдержали долгу осаду. Полицейские пошли на приступ, пусти в них оружие. Домик был взят, несколько парней было ранено. О забастовке узнали социал-фашисты из профсоюза. Они примчались в Микунльцтон и заставили бастующих согласиться на отмену штрафов с июля и возращения штрафов, вызекавшихся с июля до сентября.

Забастовка закончилась. Но это не все. Ведь мы хотели говорить о комсомоле. Да, на руднике была комсомольская ячейка. В момент ожесточенного столкновения она ничего не предприняла. На престоке для этой ячейки осадя домик не нашла себе места. Комсомольцы спохватились лишь после того как социал-фашисты заставили молодежь согласиться на прекращение забастовки.

Комсомольская ячейка не сумела найти в тяжелой минуте нужную струю. Она пропустила сквозь пальцы боевое выступление молодежи. Она не только не пошла за собой молодежь, но, наоборот, палец, незорно плелась в хвосте событий. Это

очень характерно для правых и для «левых». Правые против молодежьских стачек, они против того, чтобы комсомол вел политическую борьбу. Они хотели то, чтобы комсомол был вроде бойскаутовской организации — занимался бы развлекательной работой, культурными — и только. Они говорят общими: «поменные политики». Правые боются, как огня, подпольной инсталльной работы. И в этом случае они готовы признать все не легальны организации комсомола.

«Левые» считают себя страшно революционными. На самом деле ничего революционного, кроме пустой революционной фразологии, у них нет. Деятельность этой группы привнесет огромный вред коммунистическому движению, и она является **главным тормозом** в переходе КИМа к массовой работе, в завоевании широких масс рабочей молодежи.

Германские «левые» фраи, пустословы, осужденные резко и решительно последним пленумом КИМа, преобладают последние дни практической работой. Они считают недостойным для себя заниматься экономической борьбой, защищая экономические интересы молодежи. Они против стачек. «Разве теперь время говорить об экономических стачках», — изрекают эти герои, — стачки и без нас пройдут. Для нас важна теперь массовая политическая стачка». Итальянские «левые» кричат во весь голос: «Организуем гражданскую войну!» Рабавинате они и витрины, кофейни и головы буржуазии. Рабавинате стекла на заводах. Эти псевдореволюционные лозунги ничего, кроме вреда, не принесут нашей терпеливой борьбе. Фашисты еще сильнее мечтают, чтобы молодежь была брошена на них с голыми руками. И понятно, что такой голый лозунг, если бы нашлись люди, которые его последовали, мог бы сделать дорого обойтись рабочему классу Италии.

Германские «левые» загибники потребовали от пионеров, чтобы те забывали всех маленьких фашистов, комсомольцев — они рекомендовали членить из профсоюзов молодых социал-демократов. Конечно, это не наша тактика. Надо завязывать связь с рядовыми членами социал-демократических стезей молодежи, надо приходить к ним с другой стороны детей, находящихся под влиянием фашистов. Надо их сделать своими друзьями и вместе с ними бороться против тех, кто ими руководит. Так устанавливается единый фронт труящиеся молодежи снизу — против социал-фашистов и против общего врага труящиеся молодежи — буржуазии.

«Левая» называла сектантами. И это очень метко. Как и сектанты, они стараются никого не принимать в свою организацию, они не идут в массы, не хотят увеличивать число комсомолов, стремятся лишь к тому, чтобы комсомол был партийно избранным, а не боевой юношеской организацией.

Мануильский

Из заключительного слова на пленуме КИМ

Боевой период требует боевого перевооружения. С философией поворота надо бороться. Надо взять всем комсомольским именем за практическую работу. Надо верить в это дело не только убеждением, но и интуитивно. Надо открыть шире дорогу массовому организатору рабочей молодежи, потеснить тех, кто по велению повелу имеет уже готовые тексты, ко палец о палец не ударит, чтобы провести их в жизнь. Честно публикуя, превращая политику в профессию особой звездной платы, нужно впрячь в общую колесницу.

ПРОВАЛ

Окончание, начало см. на 4 стр.

Он чувствовал болезненное давление крови в висках, а в горле ощущал горячую слюну. К тому же, вычерпав охапку теперь его совершенно похнула. Когда он делал приготовления для семьи первого сигнала, то руки тряслись, и в тот момент, когда он шелкуют фотографом, он увидел удивленного по двору офицера. Быстрыми движениями он привнес в порядок и поспешил через коридор к выходу. Он сделал несколько прыжков через дверь к складам, где была его комната.

Войдя, он закрыл за собой дверь. Он весь дрожал. Ему казалось, что при фотографировании за ним кто-то наблюдал. Спрятать аппарат и пластины? Но куда? В чемодан! Да, туда они не залгнут! Нет, лучше в постель, или лучше под пол? Куда же, куда?

Он нервно бегал по комнате. Лучше бы забросить аппарат в аппарат подальше.

Вдруг послышался топот нескольких ног. Тогда оклемен.

Двери открылись от сильного удара, и в комнату вошли офицеры по главе с полковником. Здесь был капитан, два поручика, какой-то низкого роста плешивый человек в очках и... о, ужас, «товарищ» Блазек!

При виде этой компании Тонда превратился в солонья стол и туло смотрел вперед. Он не слышал, что ему говорят, не видел перед собой ничего. Затем, ему словно послышался приказ: «Отправляйтесь». Пошвынясь, он пошел вперед, вышел на крыльцо, его посадили в арестантский автомобиль.

Автомобиль тронулся. Только теперь Тонда опомнился. Он стал плакать.

Это произошло, приблизительно, в половине восьмого, а в восемь часов солдаты, стоявшие в коридорах и работающие у дверей в зал, вооруженный патруль под командой офицера и в сопровождении какого-то штатского человека вел арестованного Юрия.

Ребята смотрели на эту картину удивленными глазами.

Юрий, Алексей, Юрий... неслось по казарме. Ни двора собирались солдаты.

Действительно их товарищ, которого они больше всего любили, идет по двору под охраной группы солдат.

Спрятать шель и смотреть на солдат своими спокойными глазами.

На дворе его посадили в автомобиль и повезли.

После этого началось дальнейшее аресты. В половине девятых арестовали Еду, Лойбу Тихого и бывшего бойскаута ребит, Арестовали всех, подозреваемых в коммунизме.

Около десяти часов в «Рабочий дом» ворвался группа полицейских и тайных агентов Антон, сидевший за письменным столом с трубой в зубах, казалось относился к этому совершенно безразлично. Он сделал несколько отметок на газетах и продолжал читать дальше.

Зато Фришек нервничал. Он уже чувствовал, в чем дело. После того как был произведен тщательный обыск, полицейский комиссар заявил, что Антон и Фришек арестованы. Их тоже посадили в арестантский автомобиль и отвезли в полицейское управление.

В полицейском управлении Фришек в одной из канцелярий вельмож заметил допрашивающего агента Юрку. Не было никакого сомнения, что все кем-то предано.

После короткого допроса их одного за другим увезли в тюрьму. Тяжелые, обитые железом двери закрылись за ними.

В тот день нарасно комсомолка Лида ждала своего Еду.

Т. СРЬМА.

Рис. К. Убегас.

„СВОБОДА ПРИДЕТ, СВОБОДА БУДЕТ ОПЯТЬ!..“

Знаю, что получишь это письмо после МЮДа, а может быть и вовсе не получишь, не не могу тебе не написать, не поговорить с тобой об этом дне.
И неисправимая комсомолка. Ни один наш праздник, ни один день в году, не заставят меня так вознозоваться, как МЮД. Сколько боли в годовщину смерти Ильича! Сколько радости и гордости в Октябрьскую годовщину! Как рвешься на волю в день 1 Мая. А МЮД для меня полон какого-то особенного чувства, какому и имени не подберешь.

Все наши праздники в тюрьме приносят нам не только прилив новых сил, не только радость сознания, что в этот день и наш островок сливается с бушующим морем революции, но и заставляет слышать, чем всегда грустить, тосковать.

Понимаешь ли ты это? Не прими это за проявление слабости. Мы — сильные, особенно в такие дни. Но как же не рваться в бой с новой силой, зная, что он происходит, как же не ненавидеть всей душой, всеми нервами то, что называется тюрьмой, что нас в лишнях держит крепко, не пускает, как бы мы ни металась, ни рылась?!

Да, друг мой милый, к тюрьме привыкнуть нельзя. В первый, в пятый и в десятый год тюрьмы ты так же будешь биться и скрежетать зубами в день нашего праздника, с такой же страстной ненавистью будешь впитываться пальцами в решетку, стараясь хоть голову просунуть между прутьями, услышать хоть один звук нас с воли. Но не просунешь и не услышишь!

Уже 4-й раз и буду праздновать МЮД в тюрьме. Просидело уже 4 года. А у меня перед глазами все так же ярко и неотраженно стоит мой последний МЮД на свободе, в 1925 г. Как празднуется МЮД в СССР — это ты мне напишешь, а я тебе расскажу как было у нас.

Под слухай В... организация после двух под ряд генеральных провалов только ставит на ноги, отстраивает ячейки, и встает к МЮДУ 7 — 8 маленьких массовых

Автор этого письма вынужден остаться безымянным для читателя «Смены». Если бы членская охранка узнала его имя, он был бы надого пишем возможности переписываться со своими друзьями. А возможности эти и так ограничены. Невольные обитатели попятных тюрем имеют право послать только одно письмо в неделю. У них забрали карандаши и бумагу, отняли все книги, изданные в СССР. Буржуазная «повелителя» стремится сломить не только их тело, но и дух. Тщетные усилия! «Чем ночь темней, тем ярче звезды»... Дух многих тысяч комсомольцев, заключенных в польских тюрьмах, крепко, как сталь. Пытки и издевательства лишь унегижают его. Своими придирками тюремная администрация добивается таких результатов, каких она не ждала.

рабочей молодежи и в самый день — большая около 100 человек в лесу.

В — Самый разгар, большая половина организации арестована, везде неслыханные избиения, пытки. И все-таки оставшиеся на воле комсомольцы рвутся на волю.

«В МЮД должна быть демонстрация! Мы ни покажем, что нас ни испугать, ни «ликвидировать» нельзя».

Несмотря на беспрерывные аресты, происходит эвасовка, подготовка идет во-всю. И вдруг новая атака. Разгромлены уже не только партия и комсомол, но и юношеские секции, профсоюз. На свободе остались только несколько человек, окруженных со всех сторон провокаторами, шпионами, полицией. И все-таки не сдались. Ровно в 9 час. вечера на всех ярко освещенных главных улицах города посыпался дождь комсомольских листовок!

Б. — 500 человек молодежи не только из города, но и из деревень, демонстрируют с «Молодой Гвардией» по городу, дерутся с полицейскими патрулями.

И, наконец, Г. В назначенном пункте города собирается молодежь. Пока что это только воскресная толпа гуляющих. Но вдруг на середину улицы выбегает парень и высоко поднимает красное знамя. В минуту он уже окружен. Начинается стройная демонстрация, звучит «Молодая Гвардия, доунига, доунига».

Демонстрация приближается к казармам и тут сталкивается с возвращающейся с маневров ротой солдат. Офицер растерялся, солдаты остановились, слушают речь комсомольца, подхватывают доунига, ловят листовки, а из переполненных окон казармы гремит «Ура!!!». А через минуту — плацдарм, жандармерия. Но... мы спастись умеем. И знами удаюсь спасти...

Все это было 4 года назад. Через неделю после МЮДа я была арестована, и теперь вот на празднике это только несколько человек. И теперь мы демонстрируем с красными бантиками, но... на тюремном дворе.

Ничего, дружище, свобода придет, свобода будет опять! Только комсомолок я уже никогда больше не буду... Но не надо об этом!

С воли вестя неслезные. Аресты, аресты, аресты. На-днях узнута, что арестованы мы, слабые ребята: А, В, и В, всех их судили уже вместе со мной, побояли они несомненно месяцы на свободу и опять в тюрьму.

Еще раньше арестовали Ш. — моего старшего друга, соратника и ученика. Считаю не пальцем всех своих ребят на свободу и дружу над каждым из них — на свободе ли он (или она) еще? А узнаю, что арестованы — больно и вместе с тем радостно: значит, ребята не сдали, сложа руки...

Шаю тебе и всем вам к МЮДУ мой сердечный, пламенный привет.

Я хочу на волю!

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ СОВЕТСКОГО КИТАЯ

В жестких классовых боях развивается Китайский комсомол. Вместе с китайскими коммунистами, комсомольцы идут в авангардных колоннах рабочих-крестьянской Красной армии Китая. Партиями Красной армии — партиями комсомола; победы Красной армии — победы комсомола. Нельзя отделить Китайский комсомол от Красной армии, героические отряды которой приносят свободу людям труда, организуют власть Советов, устанавливая восьмичасовой рабочий день, открывают школы для тысяч неграмотных, приносят расширение женщинам, подрывают классовые знамя Китайского Октября на территориях, где властвовала кровавая собака Чан Кай-ши.

Семьдесят германских генштабистов, пригласенных Чан Кай-ши на службу китайской буржуазной контрреволюции, тщательно разрабатывают план военного похода. Против кого похода?

Английская канонерка стремительно идет в Чинша. День и ночь работают два военных американских завода—продукция идет за океан к китайским берегам. Против кого канонерка? Для кого предназначаются снаряды?

Красные знамя рвет над советскими районами десяти китайских провинций. Четырнадцать дисциплинированных крепких корпусов китайской Красной армии ведут за собой бесчисленные отряды Красной гвардии, отряды самообороны, вооруженные самодельными ружьями и мечами, сотни партизанских групп. Развертывается борьба за революционную диктатуру. В огромном крестьянском Китае пролетариат может победить империалистов и свою буржуазию только тогда, когда с ним заодно будут миллионные массы бедноты и среднего крестьянства.

Молодежь китайских деревень и местечек идет в ряды красных. Годовые, потирающие семью, изувеченные в боевых схватках, они вооружаются вилами, косами, несут охрану, отправляются в разведку, помогают в обзаве. Через реки, через крутые горные перевалы, сквозь дымившиеся разгорелые деревни, чтобы принести весть о свободе, о земле, о хлебе нестрашались малолетками—во вперед и вперед!

- Не плати арендной платы!
- Не плати долга ростовщику!
- Не плати налогов!

А если этот самый ростовщик-реакционер подается в руки красной молодежи—она с ним жестоко расправляется. Деньги и ценности, захваченные у врага, немедленно слагаются в организацию.

Восемнадцатый Съезд Советов. Далекая Россия, семнадцатый год, октябрьская ночь—слышите-ль вы их?. Молодой, сверкающий глазами, паренек—представитель ЦК Китайского комсомола рассказывает об участии молодежи в революционной борьбе.

— Молодежь играет доминирующую роль во всех боях. Когда Красная армия идет в

атаку на врага—члены нашей «Молодой Гвардии» отважно ведутся в первых рядах. Они выполняют задачи разведчиков, носильщиков, часовых. Они ведут работу в солдатских массах. Да, они открыто призывают милитаристских солдат переходить на сторону Красной армии и участвовать в аграрной революции. Но мало этого. Наши товарищи ведут также борьбу против феодальной идеологии и пропагандируют коммунистические идеи.

«Молодая Гвардия»—массовая организация революционной крестьянской и рабоче-

молодежи, борющаяся под знаменами комсомола. В ее рядах больше трехсот тысяч товарищей, а еще в прошлом году их было всего 30000. Отряды «Молодой Гвардии», которые раньше существовали только в сельских местностях, теперь стали появляться в городах. В Шанхае разворачивает работу крестьян организации «Молодогвардейцев». За Шанхаем следуют другие промышленные центры. Какими жалкими кажутся в свете этих фактов истерические вопли врагов о том, что Китайский комсомол «разбит окончательно». В «Молодую Гвардию» и комсомол идет рабочий и крестьянская молодежь, испытывающая на себе, с одной

Очерк Владимирова

Рис. китайского

худ. Джека Чен

стороны, все тяготы, все попытки империалистского и гоминдановского владычества, и брешь капиталистической рационализации, а с другой—разорение сельского хозяйства, жуткую нищету, непосильные налоги и зверства карательных отрядов.

Заработок молодого китайского рабочего не превышает 10 рублей в месяц. На мелких кустарно-ремесленных предпринимателях, где особенно много молодежи, она получает от 10 до 40 коп. в день. И это—при 13-ти часовом рабочем дне! И это—при отсутствии хотя бы одного «выходного» дня за весь год для подавляющего большинства эксплуатируемой молодежи!

Рабочих аниают обеспокоенного перерыва. Сотни и тысячи молодежи выбрасываются за ворота фабрик—экономический кризис жестоко бьет по ряду отраслей промышленности.

Четвертого сентября мы сумели мобилизовать и организовать двадцать три демонстрация очень много молодых рабочих—так писали нам китайские товарищи в письме.—Рабочая молодежь героически держится на демонстрациях. Пионеры дают сигнал к сбору, звуковая рация. Большая часть рабочей молодежи идет в специальные отряды, дерущиеся с полицией. В Шанхае, в демонстрации участвовало пять тысяч молодых рабочих. В одном месте стычка с полицией длилась 3 часа. Мы становимся крепче час от часу.

Огромная тея смерти легла на крестьянский Китай. Пятьдесят семь миллионов голодают. Бабушкам в эту андру—пятьдесят семь миллионов!

«При в'езде в деревню,—пишут те же товарищи,—сразу бросается в глаза скелеты умерших и десятки обрубленных голов, висящих на высоких шестах в ящиках. Свиристает голод, свирепствует белый террор. Как на это отвечает крестьянская молодежь, простите вы? В прошлом МЮД в Гуанчуне состоялся грандиозная демонстрация вооруженной крестьянской молодежи и сельских ремесленников. В Цзинси под нашими знаменами демонстрировала 6 тысяч молодых крестьян... Блестный мальчик, боец китайской Красной армии, встает ночью и чистит винтовку, готовясь к бою с реакционерами. Он «говорит что убивает только офицеров, но шадит солдат... Таких молодых в армии десятки тысяч».

Пожидая под напором врага народ, китайские красноармейцы обычно оставляют у крестьян часть оружия. Один китайский товарищ рассказывает историю одного отступления. Красноармейцы очистили деревушку. Ураганом налетел милитаристская банда яростно посылала знамена, и пакеты красных, мимоходом пристрелила нескольких крестьян, разгромив здание Совета. После этого насильники бросились влохону за красными. Возвращаясь назад после безразумной потопи, они с ужасом увидели, что над «обезглавленной» деревушкой опять развевалось красное флаги. Да

ГЕРБЕРТ УЭЛЬС „РАЗРЕШАЕТ“ МИРОВОЮ ПРОБЛЕМУ

Письмо из Лондона Дж. Т. Морфи

еще в большем количестве, чем раньше. Странная тишина деревушки и эти «зловещие» флэги возбуждали тревогу. Сделав несколько выстрелов по противнику, милитаристы обошли деревушку и поспускали назад. А «противники» оказались два «молодогвардейца», которые быстро и точно разукрасили красными полотношными знамя, и таким образом провели врага. Они были вооружены винтовками красноармейцев, и готови были умереть «за дело Ленина».

Все корпус китайской Красной армии возникли из маленьких групп бесстрашных борцов. Пятая колонна У красного корпуса под командой Пей Де-хуа насчитывала пропавшей зимой только 300 бойцов, а уже в конце марта 30 года она реорганизовалась в VIII корпус, насчитывающий 2200 бойцов без молодых резервов, находящихся еще в арьергарде. Через два месяца после поражения в Чаомайской районе, Гуандунской провинции, в октябре 1927 года Чу-Де только небольшую группу старых верных солдат, вернувшихся к началу после разгрома. А в начале декабря восьмого Чу-Де уже командовал первой рабоче-крестьянской армией. «Молодогвардейцы» всюду и везде дерутся вместе с красноармейцами. Возникли новые взводы, роты, полки. Пусть мнут буржуазные трома и молнии все буржуазные газеты мира, не находящие других определений для героической китайской Красной армии, кроме старого штампа: «кучка бандитов, убийц и ас-сертиров...». За спиной этой «кучки» встает огромный пробоуждающийся гигант—крестьянский и рабочий Китай.

Мы должны повлечь широкие массы пролетарской, бедняцко-крестьянской и батрацкой молодежи и положительное с нашей точки зрения элементы молодых авангардистов в ряды Красной армии. На ряду с этим мы будем вести систематическую агитацию и пропаганду в пользу Красной армии, чтобы добиться максимального расширения ее рядов и увеличения ее беспоспобности!

Так говорил на I Всекитайском Съезде Советов представитель китайских комсомольцев. Так сделал Китайский комсомолец, чтобы вместе с миллионами восставших добиться осуществления Китайской Советской Социалистической республики.

Не много времени прошло с тех пор, как Герберт Дж. Уэльс, в толпе других журналистов, на Вашингтонской конференции уверял весь мир в невозможности войны между Англией и Америкой. Теперь он написал книгу, наиболее ярким моментом которой является описание трудящейся войны между Англией и Америкой. Некоторые газеты называют эту книгу фантастической. «Дэйли Геральд» весьма ею рассержен, так как Уэльс отнимается лейбористскому правительству с прямо-таки поразительным презрением. Он обвиняет фашистскую резолюцию в Англии, инициативу лейбористского правительства, безнечное развитие тайной дипломатии, анорхадру вооружения, соревнование в изготовлении ядовитых газов, беготню дипломатов, силовых взд и вперед для заключения всевозможных союзов, международный заговор против большевистской России, развитие инцидента в Китае, который дает возможность объявить войну Советскому Союзу, неудачу этой войны, столкновение между британскими и американскими флотиами, войну в воздухе и, наконец, спасение мира усеченым.

Однако Уэльс никогда не устает настаивать на признании простой логики классово-войны борьбы. Буржуа до мозга костей, он изобретает, неизбежно возникающие между капиталистами, и глупость «государственных мужей», но не понимает пролетариата и не верит в него как в класс, идущий к власти.

Основными действующими лицами в этой книге являются карикатурные изображения Винсберга и Ротермира. М-р Пархэм верит во все традиции, благоговей перед «славыным наследием империи», считает, что на бедного человека возложена не легкая и трудная задача—вести к прогрессу подчиненные цветные расы, верит в превосходство британского флота и в принципы британского консерватизма.

У этого человека есть друг, великий армяк, преувеличенный «бизнесмен», презирающий всех и все то, чего он лично сам не проверял на опыте. Этого человека зовут сэръ Басси Пикок. Его любимое выражение—«чушь»—выражение чрезвычайно характерное для всех невежд из правящего класса, которые в отрыв от всякого разумного рассуждения только заявляют «чушь» и продолжают идти своим путем.

М-р Пархэм обманут. Он чувствует, что дела идут все хуже и хуже. Он размышляет:

«Предполагю, что государственные люди, дипломаты, принцы, профессора экономики, военные и морские эксперты вообще все люди, делающие историю, создают затруднительное положение, сложное, затруднительное, опасное... с нотами, контр-нотами, декларациями и даже ультиматума-

ми, которое поведет к объявлению войны по поводу какого-нибудь «апофоса». И предположим, что люди вообще и сэръ Басси в частности обратятся к созданию положения своего равнодушный взор, скажут «чушь», или «в самом деле?»—и отнерутся. Отнерутся и будут продолжать заниматься своими глубокими делами, ненужными для истории. Как же тогда поступят эти люди, делавшие историю?»

Эта мысль, которая, очевидно, беспокоит Уэльса, мучает м-ра Пархэма. Он идет на собрание спиритов, что дает Уэльсу повод сделать несколько весьма двояких замечаний о тонках спиритизма не очень похвалится. Потом он идет спать и видит сон. Ему снится, что на него возложена задача спасения Англии, он назначается с фашистского перелота. Парламент распускается и в этих картинных распуска парламента Уэльс идет вполном презрении к лейбористской партии. Он описывает сцену закрытия парламента следующим образом:

«Надело, тесно сгрудившись, толпились члены нового Рабочего правительства, этого обединения туманных идеалов и социалистических авантюристов, и его сторонники.

М-р Рамсей Мак Дугал стоял, опершись о стол, как всегда—в халатике и в традиционной от своих коллег, символ бедности... Он казался более тощим и угловатым, чем когда бы то ни было, более обычного похолом на одинокое оголенное дерево среди обыкновенной степи, более обычного измученный и растерянный в своей сомнительной красноте... Он испускал какие-то звуки, похожие на лаяние собаки или мычанье коровы.

За ним сэръ Осберт Мозес, казалось, напрасно уговаривая робкую толпу сторонников организовать какой-нибудь коллективный выступление протеста.

М-р Кул, экстремист, явно был за применение насильственных действий на иеребате в бездействии. А м-р Филипп Сиоуффилд, очень бледный и злой, оставался на своем месте, провозгласив, повидному, решительные проклятия...

Командор Бенуроти возвышался над ним—громкий и повторительственный. Савдка завывалась кожному из них только Ковктона, этого головореза из левых, которого вывели излом вниз, так, что волосы его воткнулись до земли.

М-р Сент Джордж вышел твердыми шагами, словно невзначай держа руки за спиной. Сэръ Саймон Дикон и м-р Гарольд Соммерлей оставались перешептываясь...»

Окончание см. на 17 стр.

ЦЕСМАНОВА БРИГАДА

Н. Бугаков и А. Мартынов

В Донбассе — тревога. В Донбассе — прорыв. Большие полтора миллиона тонн угля недодано за 10 месяцев. Весовая котлетка требует от комсомольца величайшего напряжения мускулов, сердца, ума. Донбасс бросает боевой клич: «Война техники рабочей силы, война переоборудования, война червяками теплом!» Кресло должно ответить на этот призыв пестрыми пущими в маршевые роты угольного похода, чтобы драться за уголь отважно и крепко, как то делают комсомольцы цесмановской бригады Донбасса.

Врубкоа — наш комек. Врубкоа — это кусок металла, составленный из винтиков, шестеренок, подшипников, колес и колесиков. При включении в тело этого куска электроэнергии, он утравляет добычу угля, повышает себестоимость. Который труд забойщика в дружбе с врубкой становится легче напополаину, а если в штрке или влодь лавы растнуть конвейер, жизнь в шахте забьется нервно, точно пульс у здорового физикултурника.

Голыми, кусочек породы густо каплялись вниз, влодь ходка. Шуршала о спящем саги, чуюти. По густоте шарканья юг можно было определить: мало шарек шесть-семь...

Басену в последний раз в тумане угольной пыли, скрывались в лаве огники лампочек.

Штрк замирая. Иредка, разрываая типуну, сорвется с «кровди» кусок породы — удар глухой, затененный. И снова тишина.

Цесман, маленький и худенький, заходил со своей ударной бригадой в лау.

Пробрались на жинотах, пошлоком к машине. Вдурт собку раздался выстрел. Другой. Снова тишь.

Забьлось учащено сердце, но нервы не выладут. Снова вперед.

Пыль в глазах, пыль забила носдри, щекает в горле. В свете аккумулятора заблестели углы распластавшиеся на почве врубойной машины. Выстрела повторились, превратившись в сплошной гул.

Гудение оседающих пород возбуждает много нехороших мыслей о жизни, смерти, солнце, о том, что Цесман и пять-шесть отчаянных ударников — еще молодые ребята.

Садится лава. На языке панкеров это значит: «спасайся, кто может!»

— Бежим... будет обвал... Скорей...

Слышен легкий треск.
— Куда? Назад! Лес дайайте! Крепите машину!

Из далеких раскосов и забуга гринули стойки, закрепляя кровлю вокруг машины.

Записка короткая и сухая, рапортовала: «Ввиду непредвиденной осадки пород лава № 3 ничего не лава. Усилиями рабочих машину от завала удалось спасти».

Вечером в грязном горняцком клубе, очень непохожем на просторные, чистые студенческие клубы, как спонсируемые анкетой рассаживались о случившемся. Над ударниками издевались.

— Кричали, оралы наши «антузанымы», а как треснула лава, как коржом приспало — эх, это куда, гитаны ристерали...

— Эх-ха-ха-ха.

Шуточки эти бесили ребят. Утром ударную молодежную бригаду перебрали в соседнюю лауу.

Точно по давно обдуманному злодейскому умыслу повторился вчерашний треск и грохот сходящихся пород. Вход в забой был отрезан.

Но сознание велело немедленно лезть в маленькую расщелину завала, чтобы узнать о случившемся.

— Ну, Цесман, лезем.

Голоз десятичка дрожал. Да и кому охота попадать к волюк в зубы? Зачем все это, если можно «выйти на гору»? Зачем уметь, быть в клубе, в саду с любимой девушкой. И разве тонкими выборенными из-под лабы угола лава заменить жизнь с ее миллионами красок и звуков? Несколько секунд колебаний. Потом резко:

— Лезем.

— И я...

— Ты, Ибрагим, не лезь...

— Вместе сподручий...

— Не подумайся. Может дороже обойтись...

— Полезай, не умазайвай...

Ибрагим Чаныш, забойщик — татарин, первый помощник Цесмана, просядуг голозу в дыру расщелины, втиснув предвартительную лампочку. Завал был молчалив. Медленно выкарабкался «разведчик» из-за завала.

— Значит, «ва гораз?»

— А что-ж сидеть — пойдем...

— Не зарывайся, Дякин!

— А чего-ж тут сидеть, дикари? Наше дело сторона.

— Сторона... А кто лауу в завале убирать будет?.. Начнем, ребята...

Ударники молча валили за дело. Для административной шахты это было неординарностью забойщика домой, как асета, не ушли. Убрали завал. Всей шахте пошла наперекур.

Молла об ударниках на шахте ширивали. На чертых запяленных стенах шахтного корпуса было написано: «Цесмановы запылались, ударники они, ни черта не дают угля, трепачив».

Утром Ибрагим, прочитав это неизвестно кем написанное объявление, спокойно пополнил у отметчика грудочку мела, огаянулся на зубоскаливших позади шахтеров, широко размахнувшись рукой и начертая крупными

буквами: «Бреешься, сволочь — нами подавишься».

Новые дни рождали новые переполюхи. Ибрагим пришел с упорной мыслью. Пусть на печи осядут сотни тонн порола, а работать будем! Пришел в разгар спора Цесман запальчиво размахивая руками, он кричал, напирая на десятника.

— Что ты мне распоряжение суешь? Разве можно работать? Видишь, как погнулись стойки, лава через полчаса сыдет. Крепиться надо немедленно, а то машину-врубкоа загубим.

— И кричать нечего, — успокаивал десятник. — Раз техник мне прискажал — начинать добычу, то мне хоть покар.

— Шалишь, брат, — вспыхивало вмешался в разговор Ибрагим. — Ребята, кто за мной? Кто этого стране здесь, тот за мной!

Ибрагим, по-кошачьи мягко ступая, пошел к печи. Мгновенный треск где-то в легкой расколке застав остановил Чаныша. Этого было достаточно.

Начнем репить... вырнули Ибрагим.

Старый десятник опустил голову:

— Начинай, что же — начинай, но хота и привал... а...

Это был первый случай в жизни десятника. Он осумаслялся изначально. Послушали молодых. Лава через полчаса минут села. Но машина была спасена.

Так родился, закалялся в борьбе с анархизмом шахтной стихии, цесмановская молодежная бригада, чье имя сейчас гремит в горняцкой Кадеме, как призыв к борьбе, как клич на борьбу за уголь.

Она не одна. Она была началом. Десятки бригад выросли потом.

Теперь есть бригадаи лучше цесмановской, но таких результатов, каких достигла эта крепко сколоченная группа ударников-рационализаторов, еще никто не добился.

Ровно через два месяца имя цесмановской бригады гремело по району:

— Сашман! Цесманци дали 200 проентов добычи.

Врубкой машина — вот оружие умознениа добычи угля. Бригадинки сумели дисконтит цикование в забое в 8 часов до 3 циклов.

Недавно в шахтком пришла группа старых горняков, работающих по проходеию главного штрка. Свой приход проходили объявили так:

— Работаем мы на проходе штрка, где запровадуг добычей в лавах бригады молодки. Вчеря выяснилось, что загнили они как, стариков. Наша прохода штрка отступает уже от их проходаи лава — это недопустимо, технически недопустимо... И вот решили мы организовать в ударников и выступить с командой на сорвание.

— Хотим и мы размахнуться, — пускай еще угонятся за нами!

— Идет, — отвечал завком.

Договор был подписан.

И КАЖДАЯ ВОЛНА—ЭТО ПОКОЛЕНИЕ, КАЖДАЯ КАПЛЯ—РАБОЧИЙ ИЛИ РАБОТНИЦА

Стояли вы когда-нибудь на берегу моря и наблюдали, как море бурно бьется о скалы, преграждающие ему выход на широкий, вольный простор? Первая волна безрезультатно отнатывается назад. Но в течение года и ряда лет сотни и тысячи волн грозно бьются о скалы и каждая уносит с собою от них несколько песчинок и камешков. Каж-

дая волна помогает подточить скалы. И наступает день, когда разражается буря, поднимающая море из своих глубин и бросающая на скалы великий мощный прилив, смывающий подточенные скалы и расчищающий путь в обетованную землю. С этим зрелищем природы можно сравнить рабочее движение. Застывшие, угрюмые, точно лишенные жизни скалы—это капитализм. Но море, море, друзья мои—это мы, рабочий класс. И каждая волна—это поколение, каждая капля—рабочий или работница. В продолжение последнего столетия не одно поколение

бурно билось о скалу капитализма и расшатало ее. И теперь мы, рабочие и работницы, призваны историей быть мощным приливом, мы должны броситься на скалу, разрушить ее и расчистить путь для социализма!

Вилли Мюнценберг

НА СНИМКАХ: сверху—рабы саттелитов, китайские кули, которых беспрерывно погоняют повстанческие отряды; посредине—древние фронтовики Берлина несут гроб с телом товарища, убитого социал-фашистской полицией; внизу—разгром демонстрации в Бомбео.

В пролетариез

когти фабрикантов вгрызлись,
черепами голода
глазеет лонаут,

гонит безработных
на улицы кризис.

Гомберсы и Мани

юлят и лукавят,
Социал-предательский
старается антив:
„Милые рабочие,
снижайте
зарплату—
фабрикантам тоже-ж
легко-ж не ахти“...

И кладет рабочий

заплату на заплату.

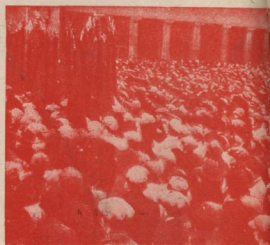

ОТРЫВОК
ИЗ ПОЭМЫ

ПЯТИ

Семен

Сбнимает голод
нопи,
лбы черны
от копоти,
кризис
в море сбросил кофе
наше кофе
топите.
У Канады
тьма пшеницы—
голод
давит топотом.
Безработным
булка снится—
пароходы
топят ей.
Тонны тнаний
топит кризис,
бури неразборчивей.
Нукурузу
гложат крысы—
только-б
не рабочие!
Ломятся амбары
от пшеничных груд,
полна Аргентина,
переполнена Канада.
Вконец доголодавшись,
безработные мрут
на даровом обрывке
пенькового наната.
Но как не изогнуты
в хитростях ездэ—
зазубрено оружие
их арсеналов!
Тянутся рабочие
к коммунизма
звезде,
к пламенным знаменам
Интернационала.

ПЯТИЛЕТКА

Жирсанов

В тюремных камерах,
в шахтах узких,
всюду,
где задавлен лонаутом
цех.

знают—
пятилетка
не только для русских,
а для французов,
для немцев,
для всех.

В лязге наручников,
в ладанной гари,
и нам,
в пролетариев
радостный дом,
доносятся крики
из тюрем Болгарии
братьев,
гордящихся

нашим трудом:
„Срок
капиталовой жизни
сосчитан.

Если же вынут
оружия рывавь—
и нашим советам
выйдем защитой,
вырвем решотки,
прутья зажав!“

Пятилетка
и негру стала родна,
и малайцу, что спину
над чаем клонит.

Пролетарии мира!
Рабы колоний!
Генеральная линия
есть одна...

Мы для вас

нажимаем
на труд
второйне,

небывалой
мчим быстринной,

КОММУНИЗМ

построим

в одной стране—

ваше дело,

построясь

к борьбе стройней.

сделать мир одной страной!

Монтаж полюсы Варвары Степановой. Фото Е. Игнатович, В. Грюнталл и „Пресскиши“.

ЛИЦО ВРАГА

Фельетон Д. Лебедева

Германские фашисты «обрабатывают» призванных во флот.

Светловский красноречив знает, что «Гренадская власть в Испании есть»: это соответствует уровню его интернационального понимания. Испанская полиция не знает, существуют ли вообще какие-нибудь власти по ту сторону Ровенальского ущелья, отделяющего Испанию от остального мира: это тоже вполне соответствует уровню ее национальной тупости. Два мира — две планеты — два кругозора.

В городишке Аликанте мушар альваиза, глава исключительной власти, задержал сербского студента, у которого физиономия отвечала стандартному представлению о большевизме, прочно запечатлевшемуся в черепной коробке альваиза. Студент Драго Госитич поднял вопль; он представил убитые, сокрушительные документы, ни у кого не оставившие никаких сомнений. Студент был домицилирован (имел местожительство) в Белграде, и Белградский университет, свидетельствуя свое почтение сенюру альваизу из Аликанте,

удостоверял, что «предъявитель сего» из всех студентов студент и ничего больше.

Но что документ! Сенюра альваиза знало, что документы — вещь слабая, он и сам их пивками подслаждал для своих контрабандистов, а что касается Белграда, то слово это несло определенным большевистским духом. С картами испанская полиция обращаться не умеет, и потому бедный Драго Госитич был определен на вечное сидение в замок как опасный космопольский агент, прибывший из советской столицы... Белграда.

Мы уж и не знаем, кому завидовать: Белградцу ли, удостоившемуся такой высокой чести, студенту ли, против его воли признанному умным человеком, или аликантской полиции, которая, как рассказывает испанский писатель-коммунист Х. Ибаньес, в стихийной погоне за большевиками не раз арестовывала своих собственных агентов.

Но черт с ней, с испанской полицией: наш фельетон собственно не о дураках, а главным образом о негодяях. Случай в Аликанте показывает, до чего страшным для полицейских чинов стало самое имя космопольца. Заподозренных в космопольстве упрятывают в тюрьму, даже не удо-

стоверившись точно в их социальном происхождении. Значит, здорово насолили полиции наши зарубежные братья. Значит, крепко держатся космопольские посты на линии. Ждем вам руку, ребята! Деритесь, как черт!

Но по ту сторону «линии, классовой линии, разделяющей капиталистический мир на два враждующих, готовых к схватке лагеря, враг собирает свои силы». Он использует своих непоправимых и даже порочных противников нашей смене суюю смену, он хочет забраться к нам в тыл и здесь вербовать себе штрейкбрехеров и провокаторов. Мы должны быть готовы к бою с ним на этой линии. Мы должны не допускать врага в тыл, а где он уже забрался, изгонять его, не останавливаясь ни перед чем. Буржуазия обеспечивает свои тылы на случай решающей классовой схватки. Мы должны обеспечить наш тыл для того же.

Французский комсомолец не раз вылавливал таких жуликов-мушаров. Есть они и в Белграде. Недавно бельгийский комсомолец разоблачил двух мушаров Жансена и Кермажера. Они тихо подслушивали полицию, и космопольский билет был для них только пропуском во враждебный лагерь. Комсомольцы прогнали их с треском. Наверное, еще кое-кого придется прогнать: полиция назойливо лезет в космопольские ряды, буржуазия охотно отпускает своих нежных сынов для этой пошлой, но зато классовой выдержанной работы. Мушаров мы будем гнать. Мушаров мы будем бить. Когда нужно, по черепу. На войне не думают о нежностях.

Но всегда ли нужно без разбора кричать: «в морду!» Всякий ли вражеский череп обречен на крошение? Нет. Здесь действует своя диалектика. Один череп нужно бить, другие перерабатывать. Не забудем, что враг ведет за собой и современные рабочие колонии. Не забудем, что в фашистской одежде часто шеголяют наши братья, не сумевшие во-время разобораться, кто враг и кто друг.

Буржуазный яд силен и страшен: он действует медленно, незаметно, он распространяется внезапно и угрожает всему организму. В Италии для создания «Баллилы» комсомольцы создали «Баллилу» и «доно лаворо». «Баллила» — это фашистские «пионеры», «Баллила» берет неиспорченного еще ребенка и отравляет его фашистским ядом. Она причудает его смерть на весь мир, как на поле для завоевательных проектов фашистских авантюристов. Она дает ему в ангельских хранилищах Муссолини, у которого он должен помнить днем и ночью, в своих играх, снах и молитвах. Она учит его тому, что мир делится на хороших и плохих людей: хорошие повинуются фашистскому правительству и ведут борьбу против «нефашистского, плохого» действия наоборот. В игре она дает ему фашистские образы, фашистскую тематику, фашистскую мораль. Она причудает его к святости фашизма и принципа буржуазной собственности. Она разрешает ему любую подлость, раз эта подлость мо-

И. Сталин

Из доклада на XVI съезде ВКП(б)

„НЕ ОТДАМ“

Рис. художника
З. Толначева

жет способствовать укреплению фашистского режима.

Маленькие фашисты становятся доносчиками, шпионами, разведчиками, маленькими классовыми негодями. Они предают своих отцов и братьев: «бальза» причуает смотреть на интересы своего класса, как на враждебные интересы, когда они противоречат догме фашизма.

Итальянский молодой фашизм — детище крупного капитала. Он причуает юною с презрением относиться к мелкой собственности и целлюючися за свои архаические средневековые позиции. Он требует от него почтения к государству, к церкви, к организациям капиталистов, к полиции, к фашистской партии — к тем институтам, которые выросли на плодородной почве трестов, синдикатов и картелей. Поэтому итальянский фашизм ведет кровавую борьбу с мелкобуржуазными организациями. Мелкая буржуазия, в шинке мучающаяся перед надвигающейся на нее стихией крупного капитала, часто делает не то дело, которое нужно фашизму. И фашизм бед пощадя расправляется с ней. Есть в ее рядах и «свои люди», но... лес рубят, щепки летят.

В фашизме с его идеологией «крупного человека», с его ставкой на пумет и дубинку находит себе пророков и в рядах этой социальной группы. Возьмите польский фашизм. Пилсудский создал для «своего» молодежи организацию «Стрелок». В эту организацию валом повалили мелкая буржуазия. Пилсудский умеет играть на ее чувствах. Патриотизм, неуважение к шатким институтам буржуазной демократии, бравание оружием, показное наглываество — по отношению к магнатам крупного капитала — эти Пилсудский владеет в избытке, и это влечет к нему мелкобуржуазных «патриотов». Но кризис делает свое дело: экономика доводит над умом, и когда месяция буржуазия почувствовала крушение своих надежд, когда вместе торжественных и многообещающих деклараций на нее посыпались удары налоговой палки и бешено разбухают мелкий буржуа завопичил и замелся. Умея казало, что все это так просто: есть воля, есть его верные шкуды, чего еще? Оказалось, что «еще» нехватает многого.

Экономика жестоко метит за себя: польский фашизм трещит по всем швам. «Стрелок» разваливается. Он потерял тысячи членов. Кризис и неустанная работа польского комсомола сделали свое дело. Сейчас «Стрелок» имеет не больше ста тысяч членов.

Но это все же массовая организация. Еще в большей мере массовые организации созданы фашистами в Италии. Мы не можем не признавать того факта, что в организации итальянского и польского фашизма имеют и значительные кадры рабочих. Мы должны отвечать им, мы должны взорвать их изнутри. Ленин не раз говорил, что коммунист не должен отговариваться от работы внутри каждой бы то ни было организации, где есть рабочие, какой бы реакционной она ни была. Итальянские и польские комсомольцы делают это и делают не без успеха.

В Германии фашистская организация молодежи («Юнгвот») тоже имеет в своем составе рабочих. Она ведет хитрую и тонкую работу. Она вовлекает рабочих подростков, организацию для них профессионально-технические школы, спортивные кружки, всевозможные развлечения. Она почуже отывает членов и у социал-демократических союзов молодежи, оказывающихся слишком прессыными для подвизаний, инициативных рабочих, и у католических юношеских союзов, от которых молодежь отталкивают слишком назойливая молитвенность и перегрузка догмами.

Об этих последних — о католических организациях — стою особенно распространяться. Это могущественные армии — во всем мире они насчитывают более трех миллионов членов, но эти армии представляют собой только резервуар, из которого рево-

люционные организации молодежи при надлежащей работе будут чербовать себе кадры. Католики завоевывают молодежь подкачки: можно ли, например, удержаться от соблазна получить легкую работу и кусок хлеба, когда в перспективе безысходная безработица? Конечно, к этому куску хлеба будет приложено тисненное золотом евангелие и священные псалмы, но подлинно разрушительную роль этих бесплатных призывов заметит сразу молодежь, если действуют только мелочно и быют навверка.

Главное, чтобы яд не был заметен. На принципе осторожного и незаметного яда построена наиболее известная буржуазная организация молодежи — бойскауты. В чем основная заповедь бойскаутизма? В защите «ближнего». Скауты учат помогать утопающему, пострадавшему при пожаре, жертве уличного движения... Скауты причуают помогать старушке, с трудом переходящей шумную улицу. На этой «старушке» в значительной степени строились первые шаги организации Баден-Паули, шаг, вызвавшие такой ярвал сердобольного сочувствия у всех коммунистов и прессырских людей.

Но старушка, как и утопающий, только предлог. Главная задача скаутизма — приучить ребенка к тому, что теперешний мир — лучший из возможных миров, и что высшим долгом человека является забота о том, чтобы этот мир возможно дольше сохранил свое существование. Надо помогать старушке, потому что она «ближняя». Надо помогать утопающему, потому что он тоже «ближний». Но старушки запугиваются на шумных улицах. Капиталисты же обычно запугиваются на большой дороге эксплоатации, когда рабочие поднимают свои кулаки. Кулак против ближнего? Этого скаут не может допускать. И вот из сердобольной ююешской организации формируются кадры штрейкбрехеров.

В Германии то же самое делает «Юнгвот». Но она не проникнута столь христианскими мотивами и вовсе не призывает помогать «ближнему» капиталисту, прекрасно понимая, что на эту гнилуую удочку не поймать даже гаупта гисарю. Она поднимает проблему штрейкбрехества на философскую высоту. Что такое производство? Источник благ для капиталистов и для рабочих. Чего такое производство? Нарушение нормальной работы производства. Что такое штрейкбрехество? Техническая помощь. Помыдайте, какое предательство, когда штрейкбрехец заботится только о том, чтобы общество не страдало от нарушения его нормальной производственной жизни?

Но дурачок становится все меньше и меньше. Чтобы как-нибудь удержаться на грешном рабочем движении, католические и фашистские организации молодежи пускаются на трюки: устраивают пышные выезды, путешествия, усилено раздувают культ героев. В интересах этого культа они обучают молодежь и обращению с оружием. Готовые защитить родную и... нацию. При чем тут народ? — скажете вы. Не надо забывать, что фашисты именуют себя национал-социалистами». Им нечего терять от гибели «демократизма». Они охотно подвизывают буржуазные демократические институты, так как крупный капитал, в интересах которого они работают, намерен сорбится с себя всякую демократическую тогу.

Другое дело социал-демократия. Ее социальный резервуар — мелкая буржуазия.

НАПИ АЛ.

Рис. Гросса.

Она не может поэтому сбросить свою демократическую мишуру. Но так как «борьба за демократизм» в условиях капиталистического наступления обречена на провал, если она не подкреплена революционным действием, то им приходится ограничиваться «культурной» деятельностью. Вот каким образом случилась, что в дни ожесточенных классовых боев в Руре сошлом обтрисился к своим членам с патетическим возгласом: «Бойтесь гриппа». Смущающие маяшки — скажете вы. Ничего подобного: просто мешае, для которых грипп заслонил вопросы классового боя.

Здесь социалистические организации молодежи смякуются с «христианскими» — католическими, протестантскими и баптистскими. Те тоже бояте отравить некий детский возраст злукими проблемами классового бояры — «Все люди братья». Это не мифический Христос, а очень реальный Макдональд проповедавал «свое» молодежь подобные истины. «Все люди братья». Капиталист тоже брат. Поэтому нужно становиться в ряды штрейкбрехеров, нужно быть этих прокатных большевиков, которые вопросы классовых конфликтов выносят из директорских и министерских кабинетов на улицу.

«Все люди братья». На этой платформе строится сейчас и враждебные организации молодежи внутри нашей страны. Они прикрываются стунтами знаменами. Они вопиют ко Христу. Но в острие моменты классовых боев они оказываются по ту сторону баррикады. Кулак и илман — братья, не трайтее елакой и илман!

Из-под елакой рожи христосика выскакивает фашистская харя.

Наша задача — оторвать от врага запугавшихся, разобачить сонастных классовых врагов, устраничь их с нашего пути: где можно — словом и критикой, а где нужно — и боезе сильными средствами. Классовый фронт — фронт, а на фронте не приходится миндальничать.

Итальянские молодежные фашисты на параде.

БЕДА И ВИНА ДН А АМЕРИКАНЦА

Фельетон Мих. Левидова

Что случилось на Сталинградском тракторострое? Несколько американских рабочих, во главе с Луисом, били негра-работого Робинсона, — это все. Так что же, не обычная это драка, вызванная личными мотивами? Нет, Луис и другие американцы били Робинсона только потому, — исключительно потому, что он — негр, а они — американцы. Это установлено, но вместе с этим установлено и другое: то, что били Робинсона пролетарии, взуродованные, растленные, одуманенные в той капиталистической категории, откуда они прибыли к нам.

В Америке, в Соединенных Штатах, в этом наиболее усовершенствованном отделении капиталистической культуры, воспитывается и культивируется наиболее чистый образец «капиталистического человека». Дьявольский расчет, тонко обдуманная хитрость руководит творцами капиталистического человека, хозяевами капиталистической культуры. Тактика и стратегия классовой борьбы прекрасно разработаны американским капиталом. И не только в том она состоит, что борются американские капиталисты с рабочими локонтами, штрейбхрехтерством, кровавым террором, применением всех средств государственной машины, могучей и свирепой в Америке, как нигде. Еще более страшное средство борьбы в их распоряжении: они стремятся обуржуазить рабочий класс, привить ему навыки мелкого собственника. Отсюда и возникла мошенническая мысль, имевшая некоторый успех за время эпохи американского «процветания», закончившейся катастрофическим крахом, — сделать рабочего в какой-то вынужденной степени «частником производства», создать иллюзию, что он в какой-то мере «хозяин». Была создана система «рабочих банков», велась агитация за покупку рабочими в рассрочку акций промышленных предприятий, с помощью верных сторожевых псов капитала — желтых профсоюзов — внедрялась в умы рабочих растевающая классовое сознание мысль, что они заинтересованы в росте «процветания».

В общем это было много шума по пустякам: американский буржуазный экономист Стюарт Чейз выяснил, что в самый зенит «эпохи процветания», в 1925 году, американские рабочие, составляющие 71 процент городского населения, владели менее чем одним процентом всего количества акций промышленных предприятий. Мы не знаем, быть может, какой-то миллионной долей этого одного процента был осчастливлен и американец Луис, печальный герой Тракторостроя, а быть может, было достаточно этой капли ида, чтобы ввернуть в него иллюзию, что он — не просто пролетарий, а «пролетарий-собственник».

Но действовал на Луиса и Луисов и другой яд, подействовавший в больших дозах и в течение более длительного времени — яд ситков лет систематически отравлялась вся среда, в которой родился, воспитался и вырос современный американский пролетарий.

Одной акцией еще не убьешь классовую ненависть, приращенную классовую ненависть пролетария. Но если нельзя ее убить, то может быть, можно подменить ее? Рабочий для американского капитализма — раб. Это было года три тому назад в маленьком городке Теллуза, в штате Луизиана, на юге Соединенных Штатов. Судился за убиение негритяка Луисом. Но в американском законе для признания виновности и влиятельно необходимо диагносцированное злодеяние двенадцати членов жюри присяжных. Против негра улик было мало, и у одного из присяжных не хватило духу высказаться за его

виновность. Но об этом узнала толпа, нахлынувшая перед зданием суда в ожидании приговора. Она ворвалась в помещение жюри, схватила того присяжного, который не решился голосовать за виновность, выскочила с него и окунула в грязную лужу. И тогда он возвратился в помещение присяжных и голосовал за виновность негра. В должном порядке негр был осужден и приговорен к смерти.

Излишне спрашивать, какого мнения по поводу этого происшествия был бы американец Луис.

— В чем дело, — пожал бы он плечами, — ведь негры — индийская раса!

В течение 1929 года, как гласит официальная статистика, в Соединенных Штатах произошло двенадцать случаев линчевания членов этой «индейской расы». В пяти случаях толпа ворвалась в тюрьму, где находились заключенные негры, вытаскала их из тюрьмы и растерзала. В остальных случаях линчеванные были растерзаны еще до суда. Большинство из погибших от суда Линча обвинялись, и, конечно, ложно, — насилием над белой женщиной. Одно линчевание произошло над негром семидесяти двух лет, которого обвинялся лишь в том, что он «был найден в обществе белой женщины» (буквально). Ему отрубили обе руки и его бросили в реку, и тысячная толпа наблюдала, как он тонет.

Что же скажет по этому поводу американец Луис, печальный герой Тракторостроя? Быть может он скажет, как говорит мигле «просвещенные» американцы: «Что же

можно поделать с заблещенней толпой, пылающей расовой ненавистью...».

Да, расовая ненависть, но кем и почему она эксплуатируется?

Одна американская газета пишет по поводу расвета линчевания в 1929 году:

«Исключительный взрыв линчевания в этом году обусловлен главным образом экономической депрессией. Линчевание производится членами низших классов, которые находятся в состоянии ожесточенной конкуренции с негритянским трудом.

В момент экономической депрессии конкуренция становится еще острее, и линчевание является выражением классового недовольства, равно как и расовой ненависти.

Это сказано, конечно, слишком уклончиво. Мы-то знаем, что «классовое недовольство» попросту перекладывается опытными мастерами этого дела в «расовую ненависть». И не даром констатирует американская либеральная «Комиссия по созданию недугорасового сотрудничества», что почти во всех случаях линчевания оно могло бы предотвращено своевременным вмешательством властей.

Могло быть, но не было. Ибо красная ненависть и линчевание — это один из предохрательных клапанов для буржуазного строя.

Пусть я, Джек Смит, — чернорабочий. Но зато я свободный американский гражданин. А вот этот Джек Смит, он не только чернорабочий, но еще и черный рабочий, негр, и я выше его, я могу безнаказанно издеваться над ним, я могу прика-

Рис. А. Поманского

завт высидеть его за трамвая, я могу отказаться обедать с ним завтра, при благоприятных условиях я могу даже развлекаться личиеванием его. Я чернорабочий — не последний в этом мире, ведь есть еще черный рабочий, и от него, белого чернорабочего, к белому капиталисту путь ближе, чем от него, черного рабочего, ко мне, белому чернорабочему...

Из многого еще и помню, этих Джексов Советов, пролетарских таксистов, американо-итальянской дурманной «расовой превосходства». Одним из таких Джексов Смитов не является ли американец Луис, рабочий Тракторострой, избивший своего товарища рабочего Тракторострой Робинсона только потому, что у того швет кожи темнее? И то, что он таков, — это ли не беда его?

Но наступает момент для американца Луиса, когда объективная его беда превращается в его субъективную вину. Наступил этот момент тогда, когда наступила нога Луиса на территорию страны строящегося социализма.

Да, он отравен капиталистическим ядом, это американец. Но, дыша воздухом нашей страны, разве не вдыхает он кислород противоядия? Как! Так этот американец еще не помер, где он находится? Он еще не помер, что в этой шестой стране света нет места мерзости, обману и дурману капиталистического строя, он еще не усвоил, что в пределах Советского Союза гневными проклятиями является всякая капиталистическая раба? Он не знает или не хочет знать, что в нашей стране преступлением для трудящегося являются чувства расовой злобы, бессмысленные и позорные чувства, каковые, как ядро на ноге катаринки, вичат за собой жертва капиталистической каторги? Он не понимает или не может понять, что, поднимая руку на своего товарища негра, поднял он руку на всю Октябрьскую революцию, прогнав школу учителей всех наций, раскрывающую учителям всех рас? Он не чувствует или не может почувствовать, что его поступок — это интервенция капиталистического духа, капиталистической психологии в стране строящегося социализма, что с этой интервенцией мы будем бо-

роться, как со всякой другой? Он не отдаст себе отчет в том, что, внося в себе машины и специальные инструменты капиталистического мира, не повзломал мы, чтобы бесплатным приложением к этим машинам, чтобы в багаже этих слесарь везена хотя бы одна копия капиталистической отравы, что сознание каждого советского гражданина — мощный таможенный лют, настроенно следящий за контрабандой такого сорта!

И если аспект этого не констатирует, не сознает, не осуждает американец Луис, то это вина его, то тем хуже для него, то не место ему в нашей стране.

Оратор-негр ударил себя кулаком в грудь на неданном митинге в Парке культуры и отдыха по поводу событий на Тракторострое.

— Как, неужели у вас тоже это возможно? Неужели наша страна — это не наш дом, где можем мы себя чувствовать свободными и равными, где я, член угнетенного класса и угнетенной нации, могу сбросить с себя ярмо этого двойного гнета?

С полным правом можем мы ему ответить: — Будь спокоен, товарищ! Близок час, когда станешь ты у нас вполне невозможным. Да, бывают еще прыжки. И не только на Тракторострое. Не изживешь так быстро проклятого наследия эпохи рабства и угнетения. Хватает еще мертвый живого. Ходят еще по нашим улицам люди-гробы, несущие в себе гниль и разложение умершего и похороненного. Своего еще в памяти дело Варшавы — еврейско-рабочники, затравленной антисемитами. Недавно еще читали мы о гнусном отношении некоторых профсоюзных «делателей» на нашем Дальнем Востоке к китайским рабочим — такой это приняло характер, что подалось специальное вмешательство ЦК ВКП(б)... Знаем мы все это. Не сразу родится новый, освобожденный человек, одаренный природным иммунитетом против капиталистического яда.

Но объективные условия для рождения такого человека мы создаем. Не только в нашей стране, но и во всем мире. Будь спокоен, товарищ! Наша страна — твой дом, твоя родина, дом и родина угнетенных классов всех национальностей и рас.

С О ВРЕМЕНИ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ войны, и в особенности с момента ПОБЕДЫ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ в СССР, НАЧАЛАСЬ НОВАЯ ПОЛОСА В РАЗВИТИИ КАПИТАЛИЗМА — ПОЛОСА ОБЩЕГО КРИЗИСА. КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЙ МИР КАК ЕДИНОЕ ЦЕЛОЕ БОЛЬШЕ УЖЕ НЕ СУЩЕСТВУЕТ. НА РЯДУ С СИСТЕМОЙ КАПИТАЛИЗМА РАСТЕТ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ХОЗЯЙСТВО СОВЕТСКОГО СОЮЗА, СУЩЕСТВОВАНИЕ И УКРЕПЛЕНИЕ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОСНОВ СССР ПОДВЕРЖАЮТ КОРНИ МИРОВОГО КАПИТАЛИЗМА. С ДРУГОЙ СТОРОНЫ, АНТИИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В КОЛОНИАХ И ЗАВИСИМЫХ СТРАНАХ ТАКЖЕ ВЕДЕТ К ПОДРЫВУ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ. МЕЖДУ ТЕМ, ЗАИНТЕРЕСОВАННОСТЬ ИМПЕРИАЛИЗМА В КОЛОНИАХ ВЫШЕ ОГРОМНА. ТАК, АНГЛИЯ В 1928 Г. ПОЛУЧИЛА РАЗЛИЧНЫХ ДОХОДОВ ОТ ЗАГРНИЧНЫХ ИНВЕСТИЦИЙ (ВЛОЖЕНИИ), В КРУГЛЫХ ЦИФРАХ, ДО 5600 МИЛЛИОНОВ РУБ. ЭТА ЦИФРА СОСТОЯЛА ИЗ ПРОЦЕНТОВ — 2850 МИЛЛИОНОВ РУБ., ДИВИДЕНДОВ — 1400 МИЛЛИОНОВ РУБ. И ОПЛАТЫ МОРОСНЫХ ФРАКТАХ — 1380 МИЛЛИОНОВ РУБ. СУЖЕНИЕ РЫНКА И ОТСУТВИЕ ПЕРСПЕКТИВ НА ЕГО РАСШИРЕНИЕ СОЗДАЮТ ДЛЯ КАПИТАЛИЗМА ВСЕ БОЛЬШЕЕ И БОЛЬШЕЕ ЗАТРУДНЕНИЕ. ОГРОМНАЯ И ВСЕ УВЕЛИЧИВАЮЩАЯСЯ БЕЗРАБОТИЦА ЯВЛЯЕТСЯ ОДНИМ ИЗ САМЫХ ЯРКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ РАЗИВАЮЩЕГОСЯ ОБЩЕГО КРИЗИСА КАПИТАЛИЗМА. ОНА СТАЛА ХРОНИЧЕСКИМ ЯВЛЕНИЕМ И ИМЕЕТ ЛИШЬ ОДНУ ТЕНДЕНЦИЮ, ТЕНДЕНЦИЮ К ДАЛЬНЕМУ РОСТУ.

В. Молотов

Из доклада на XVII съезде ВКП(б)

ГЕРБЕРТ УЭЛЬС «РАЗРЕШАЕТ» МИРОВОЮ ПРОБЛЕМУ

Окончание, начало см. на 9 стр.

Эта картина полной беспомощности лейбористской партии прекрасно описана. Так изображает Уэльс приход фашистов к власти.

Но это еще не все. Новому правительству необходима война. Миссией наказания избрана Советская Россия. Составляется историческая встреча английских и итальянских диктаторов. Создаются союзы. Предлогом избирается инцидент в Китае. Война у порога. Мир охвачен пламенем. Но все планы идут прахом. Слишком много саров Басси, которые только говорят «чушь». Европийские союзы распадаются. Доминиона отказываются от империи. Америка требует свободы морей. Драма нарастает с быстротой молнии. Флоты Англии и Америки выходят в бой. Грозы их бушеют над всем миром. Такой битвы еще не видела история. Результатом первого, не попавшего в цель выстрела является потеря судов орудий на 500 миллионов фунтов стерлингов и 52 тысячи убитых и раненых.

После этого наступает социальный хаос. Диктатура рушится. Диктатор прятается в блиндаже. Ну, а потом? Потом Уэльс возвращается к своей старой теме: «Выход только в книгах, газетах, печати, в слове, в призыве: «Света, больше света», как говорила старина Гете.

Так распадается блестящая картина, нарисованная Уэльсом, уступающая только беспомощности и подготавливая ему путь к новым политическим промахам. Он обладает чрезвычайно острым глазом буржуазного писателя, взглядом и замечательным талантом к характеристикам и описаниям, но он всегда идет по ложному пути. Когда он был в России в 1920 году, он за деревьями не увидел леса. Все его предказания относительно судьбы советов оказались неверными. Он считал Вашингтонскую конференцию путем к достижению мира между двумя огненными буквами написала на страницах истории, что это была трагедия, ведущая к новым войнам. Уэльс видит рост фашизма и приближение войны. И то, и другое так очевидно, что нужно быть слепым, чтобы не видеть этих явлений. Но одной движущей силой в этой ситуации Уэльс никогда не в состоянии был разглядеть и понять — величайшей силы из всех, созревающей на

ряду с ростом кризиса — пролетариата. Он не верит в свой класс и в слепоте своей не видит тьму класса, который идет ему на смену.

Хотя судьба мистера Уэльса нас мало интересует, но чрезвычайно показательным znamenem времени является тот факт, что такой видный публицист перешел от пафосистского бреда к явному пониманию неизбежности надвигающегося фашизма и войны.

Знаменский, комсомолец Подольского механического, рассказывает о том, как родилась на заводе ударная бригада «Темп». Самокритика была в этом деле вернейшим оружием. Без самокритики, без непрестанной борьбы с разгильдяйством и разлпбнностью на производстве не развернуть ударного движения, — вот основная мысль начинающего рабочего очеркиста Знаменского.

Мстислав Знаменский

Рис. Н. Полякова

— Почему наша бригада не ударная? — спросил я как-то бригадира Григорьева. Он, видимо, не смог выразить от словами, а лишь показал рукой на наши девять автоматов. Я понял, что винт он во всем станки. А станки были, правда, неважные: старые, износившиеся.

Уже не первый месяц я здороваюсь по утрам с девятью сонными от ночного отдыха станками. Смызливо их перед началом работы маслом, и станки начинают по-прежнему приятно улаживать. Потом я хожу от одного к другому и смотрю, чтобы стружка у резцов не мешала выработать чистые крохотные винтики, или, как мы их называем — «закасетка», «шпилька», «головастик».

Солнце и летняя теплыня настойчиво русят в цех, и мы, точно по уговору, распахиваем окна. А под вогати на бетонном полу однообразно прогревают тени привольных ремней и шестерен и наползает друг на друга.

Солнце — оно мешает работать. Я вижу, как отмахивается от лучей, точно от мух, бригадир Григорьев, возмущаясь у автомата. Бригадир налаживает автомат, хотя на нашу бригаду дан специальный наладчик, чернокожий Сергей Иванович. Но наладчик занят у другого станка, и вот бригадир сам решает заняться станком, а бригадир сам решает заняться станком, а бригадир сам решает...

Он ставит резец — на pewno, ломало материал. — Вот и гонимся за промфинансом, когда из девяти автоматов семь работают, — обрывается он ко мне. — Хорошо вот сам могу наладить, а то стоять бы станку!

И бригадир (в какой уже раз!) говорит мне о невнимательности администрации, старшего мастера Ильина, сравнивает положение в бригаде с работой в пожарной команде, откуда ушел он, так как не мог ужиться с их беспорядками.

— А ты говоришь — почему не ударная? Да разве тут возможно как следует работать, ежели тут никакого внимания с ихней стороны, а наоборот — полная анархия.

Я пошел в тошниво точить резцы. Вернувшись обратно, я увидел взволнованного бригадира; у него чуть покраснели веки и волостые руки беспокойно комкали тряпку. — Мастер приехал без тебя, — проговорил он. — Все ругался, что на этом автомате много брака работаем. А из-за чего? Все они виновны: пусть наладит токлом — тогда браку не будет. И, главное, обидно: оскорбил меня и всю бригаду. Меня емкорой курицей назвал, а бригаду «богальнейшей». Его бы надо в галстек... прохвистать...

— Верно! Обязательно надо. Я напишу. — Во-во! — хлопнула по плечу бригадир и снова повторил разговор с мастером. — Напиши... Надо одергивать таких... Это ведь полная анархия, а партия против этого борется... напиши...

Мы работаем по два человека: один на четырех, другой на пяти автоматах. Сегодня я работаю на пяти. Еще у меня раздался крайний автомат, и около него возгласил наладчик. А перед самым обеденным гудком стали сразу два автомата — в одном «заелся» материал (винтики шли шершавые, не отточены), а в другом ломало материал. Я по-

казал бригадника Дьяконова, показал ему и спросил: — Как по-вашему, почему ломает? Может, резец поточить?

Дьяконова звали Цыганом. Черная его голова повернулась ко мне, непонятно и безразлично смотрела глаза. Его же любил в бригаде за лентяйство, и бригадир Григорьев хотел просить мастера о переводе Цыгана из нашей бригады.

— Или не надо точить-то? — переспросил я.

Он резко вернул ко мне и крепким намешившим махом отгнетил.

— Если не можешь здесь стоять, иди к мастеру и скажи; он тебя в подметалы возьмет! — и, подумав с минутой, добавил: — тебе лучше знать, ты на этих автоматах стучишь...

После обеда пошли все автоматы.

Каждую пятнадцатую мы с бригадиром Григорьевым ходим на политкружок. Там он так же спокоен, как и на работе, так же уверен в себе.

Как-то я договорился с руководом кружка Смирновым, чтобы он спросил кружковцев кто и почему не состоит в ударных бригадах. Когда на кружке Смирнов спросил об этом, я видел, как Григорьев нерешительно оглянулся в мою сторону и нехотя поднял руку.

Смирнов нарочно обвел взглядом всех и, остановившись на бригадире, спросил:

— Ишь, сколько вас Нехорошо... Идете в партию, а бригада в стороне. Развал полный! Ну, к примеру... ты... Григорьев... почему не ударник?

Бригадир махнул без рукой, но пояснил, что мы занимаемся в красном цеховом уголке, и заговорил:

— Сам гляди, тов. Смирнов. Какая может ударная работа быть, ежели станки разлажены, долготные станки можно сказать, и они же полная анархия с ихней стороны...

— Какая анархия? С чьей это стороны? И он снова рассказал про грубость мастера. Рассказал, что в нашей бригаде есть лентяй Дьяконова, что один раз просил мастера переадресовать его на сд, но тот и не слушает. А разве возможно в бригаде, да что лентяй?

— Это верно: мастер груб, невнимателен... За это мы его стегалим, — сказал Смирнов, а насчет долготных станков ты, брат, тож, зря... Вот бригада Шведова на таких же автоматах, как и у вас, работает, а показатели выдал! Больше ста кружков! Ежели на показатели — это очень ярко покажетесь! — Вер-но-но... ты тоже согласился Григорьев.

— После этого я снова пристал к нему: — Давид, Василь Сергеевич, ударную бригаду объявите!

Он усмехнулся и тихо, точно боясь, что кто-либо услышит, шептал: — Самим добрежь подтянуться надо... и утихнул.

«Этo верно, — подумал я. — К примеру, себя azért: полгода работая в бригаде, а еще слабоват», да еще привыкну!» — подбодрил сам себя.

На другой день я снова работал с Дьяконовым. Мои пять станков шли хорошо, у него из четырех два уже стояли. Он перетел возле наладчика, потом отошел и уселся на верстаке.

Подолел мастер. Низко нагнулся над станком, посмотрел, что делает наладчик. Потом кивком головы подозвал Цыгана:

— Что-ж сидишь без дела? Вот у него все пять работают, у тебя — два, возьми у него один, а он за четырьмя пусть следит.

Цыган нахмурился и тихо выругался.

Заметка на мастера давно лежала в папке редактора. В обеденной перемене я бежал в комнату редактора: заводская газета и спрашивал: почему не пошла в последнее издание? Но там сидят люди отговорчивые и многообещающие, и поэтому только сегодня мне удалось увидеть отклик нарядной моей заметки. Я стащил отклик и торопился показать Григорьеву.

Но он, наверное, был чем-то недоволен. С утра был неразговорчив, не подходил ко мне и не спрашивал обобщено: «Ну, как дело идет?» «Идет», отвечал я обыкновенно ему ободранно.

А сегодня по-иному. С утра толковал о чем-то с мастером, спорил, размахивал руками, и оба чистенько выжидали на меня. «Про меня говоришь», подумал я. Когда мастер ушел, я подошел к бригадире и незаметно, невзначай будто, обронил вопрос: — О чем это с мастером говорил?

Окончание см. на 22 стр.

ДВА ГЛАЗА МОЛОДОСТИ

Рассказ комбрига Особой им.
Сталина кавбригады

Н. РАКИТИН

Славное боевое прошлое командиром, отважные подвиги его бойцов, сегодняшние дела молодых кавалеристов-ударников — все это волнует рабочую молодежь. Комсомолец должен помнить, что старый боевой лазутчик вооруженной революции — «Прелестарий, на коня!» — остается в силе. Комбриг тов. Ракинтин рассказывает об отважном комсомольце-кавалеристе, отдавшем жизнь за коммунизм. Этот правдивый рассказ комбрига Ракинтина навеян одним из боевых эпизодов периода жарких боев нашей красной конницы с белополяками.

— Ну, это ты, парень, со страху. Да ты што тут один-то делаешь?

— Да я вот еду на станицу... А сам подумал: «Ох, чорт, ни одного названия не помню...»

— Так зайди, выпей молочка, устал, поди,— выдвигивает мордастый.

— Нет, спасибо, дальше надо ехать, прощайте пока!

Изаб проглотила мордастого.

«Надо посмотреть за избами и амбрами, да в амбрах... Чорт его знает, уж больно рожка-то сытая...» Гришка повернул мордастого за угол.

За домами пусто. На срубке бадь с водой. Вода чистая, верно, холодная. Мышастый стонет губы. Сразу пить захотелось.

— Стой ты, дай хозяйцу... Старшинства не знаешь... Сейчас глотнем по разу!

— С коня прыг и прилиди губами. По воде круги, в кругах голубое небо. Сбоку губы мышастого.

Рванулся мышастый; не успел пареньк оторвать губ от бадьи—обвалил чьи-то руки. Оглянулся—стоит польские кавалеристы трое, четверо, из амбра выглядывают еще, еще... Из амбы высочил офицер. Мордастый что-то говорит по-польски и указывает на Гришутку.

— Стрелка нет, а обидно. Обидно до боли; «Что будет с нашими? Что скажут свои? Как пердеть?»

— Ну ты, сволоочь, буденовец, синфилит!

— Молчит Гришка.

— Дай-ка ему одну!—мотнул рукой офицер.

По спине сазанули сбоку прикладом.

— От раззедл наверное, ну?

— Скажу,— думает Гришутка,— лишь бы отпустили, а там выскочу!

— Нас, дяденька, птерю, вон там я лесу,— показывает Гришка в противоположную сторону.

Заговорил!—ценит офицер.—Садись на коня и махни своим, чтобы ехали сюда... Смотри—сзали пули!

В руках офицера бестелая смерть. Что-то скандовал. Из амбра выехал еще птерю.

«Кони драть!—думает Гришутка.—Уйду от сволоты!»

Сел на коня. К углу пошли: Гришутка на мышастом, офицер пешком, двое с винтовками, а птерю на конях прижался к избе.

— Дашь знак — и назад. Поймаем тех — жив будешь. У нас послужишь,—картавит сзали офицер.

Взглянул на сзали. Как-будто бы голова Василь Иваныча видна. Свои там. Каждый такой близкий, родной. А жить-то как хочестся! Кругом красота. Дома, в Старвополе, поид, свет, в степи отец, мать, сестренки.

«Махуть», значит изменю. А что говорю военком? «Гриша, ты комсомольцем стал, резерв нашей партии, будущий строитель коммунизма, надежда рабочего класса...»

Оглянулся: сзали, из-за угла, глаза и дула. Собрал мышастого, как-будто потнуился к шапке, прижал ноги и рванул к кустарнику.

Выстрелов не слышал. Сначала колынуло и обожгло плечо, стегнуло по ноге, а потом всё оборвалось. Последним мельнула кустарник и морда мышастого с прижатыми ушами, морда сбоку, сверху.

По балке, по воде под мостиком приволок мышастый к насыпи запутавшегося в стремени Гришутку. Вместо головы — кровавый кончик кувшны. Подскокил мышастый, упал, дернулся, хотел встать, передние ноги поставил, сел по-собачьи и медленно опрокинулся набок.

Хороша жизнь! Всегда хороша! А весной, когда вишни в цвету, в степи земля тянется к солнцу каждой травинкой и кричит сотнями голосов всего живого, когда воздух легкий и сладок,—тогда жизнь прекрасна!

Раззедл в 10 коней высочил на опушку рощи. Два десятка зеленых глаз в секунду ошутили всю местность вокруг. Передний, старший пробасил:

— Ну, хлопцы, сейчас приедем до той железной дорожки насыпи, а там побойим. Вон дозор до нее дошел, машет... гапон!

Рванулись. Цокинули раз-другой подковы, и снова тишина. Огромное врывающее солнце переполозло бутры облаком. Люди и кони бьют у насыпи. И снова асыстрировались, а даль глаза: глаза старшего—орелы, в сетке морщины, прищуренные, а рядом два голубых, широко раскрытых—просто два глаза молодости. В глазах старшего настроение, усталость и горечь, а в молодости—весна и смех.

— Проскочили, черти, вон тот хуторок справа... что-то не нравятся он мне. Время рабочее, а около него ни души... Проскочи. Гришутка, по ближе к тему, прощупай и махни фуражкой. Мы тогда скачком к той горке. Давай!

Гришутка кубарем с насыпи к коню.

— Ты куда, хлопцы?

— Отданный послал к хутору, дозор не заглянул, надо посмотреть.

Он вскочил на мышастого. Ему самому было восемнадцать, мышастого—семь. У обоих в крови весна, каждый мускул играет, в глазах—морю по колено.

В брод перелез речушку и помчался балкой к хуторку. Вот и кустарничек, отсюда налево и хуторок. Оглянулся назад. «Как причесать долов Василь Иваныч, отгелком,—мельнула мысль.—Уж на что знаю место, где сидит, и то не вижу... Ловко!»

В 300 шагах от себя Гришутка увидал крепкие хаги хуторка с большими сараями.

«Слорово живу, что твои помещики!» Со шурра глаза, как Василь Иваныч, он карьером махнул к крайнему домику.

Подскокнул к окну, застучал. В окно выглянул мордастый мужчина.

— Выдь-ка, товарищ, на минуту.

За окном в глазах испуг и еще что-то—не разобрать.

Осторожно пискнула дверь, на пороге хозини.

— Как у вас тут, дяденька, насчет панов, не заглядывали?

— Никого не видали мы, один тут, кому нужны?

— А вон следы... Ковка-то военная, а?—врет Гришка, по-отгелкомовски шурра глаза.

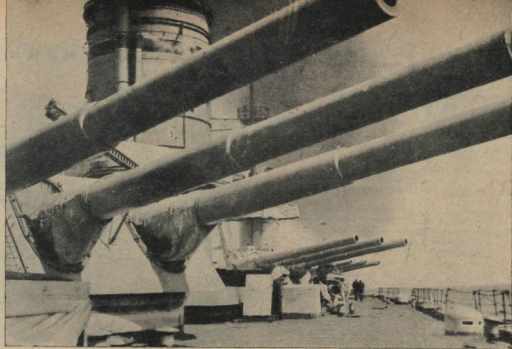
У человека что-то дрогнуло:

ЖИЗНЬ ФЛОТСКАЯ

Рассказ Я. Настусевича

Комсомол должен знать будни и героизм Красной флоты. Лучшим представителям пролетарской молодежи передает комсомол на военные корабли. Комсомольский тыл должен крепить связь с молодью гвардии краснорыццев, окруженными морскими силами революции. Об этом особенно нельзя забывать в Международный юношеский день. МОД — день проверки нашей смелости с вооруженной гвардией международной революции на суше и на море.

Работали мы с Сергеем в одном цехе: я — старком, он — слесарем. Хотя и работали мы в приморском городе, но как-то не чуяли моря, даром, что были спортсменами. О флоте знали, слышали, как-то раз даже побывали на подшефном корабле — потопиках, поболтали с ребятами-подшефниками да и подались назад. О флоте ли будешь думать, когда на поветке для промфинплан, производственного, кружишь? Не дула, не гадала я о флоте, не строил себе планов и Сергея.

Однажды приходит в заводскую чейку из райкома бумажка: «Желающие в военно-морские учебные заведения записывайтесь!» С удивлением, плакатом вывесили, тут же резолюцию В Всесоюзного комсомольского съезда с шефским обязательством. Пошли разговора среди ребят о вербовке. Но в те времена Чемберленов все страны поделит, свои ноты утратил — по адресу Советского Союза. Вспоминали подшефные корабли, ребята, и засосало у меня подложечку. — А что, если пойти в ВМУ, да поучиться, да стать командиром? Конечно, получало я сейчас не плохо, но какой чертовой бабуске нужен будет этот заработок, когда гривен тот будет, а боевые командные посты не будут заняты пролетарской молодежью?

Обуреваемый такими мыслями, подался я к Сергею за советом. Другам мы были с ним закадычные. Милости Сергея, молчит, думает. А потом — шорт его знает, как и был, и замаячил, и бозяно, и вдуэт — не втяну, не «примреть» меня корабль, морез.

Потопикави, ввесили все — дело большое и ответственное — переждать день, сходили в чейку, там с ребятами еще поговорили, посоветовали нам. Мастер, хотя и видно, что недоделов, все же дружески убаюкает и говорит: — Давай, давай, ребята, морезушки, узяи вас! Посмотрю я, какими вы будете командирами! И чтоб обязательно каждый из вас вложил фокштур в буржуазное небо!

К слову скажу: тогда когда-то в царской флоте был матросом и толк во флотской жизни знал.

Затрагивая перспективу нас совершенно сдвоювала, и, явив в райкоме пугенку, на другой день мы уже были в ВМУ имени Фрунзе. Краткий обзор, анкета, ряд комиссий, через неделю экзамена (грухилишь малость перед ребятами, неудобо, проваляться) — и без особой волноты и беготни получаем от комиссара извещение: «Приняты».

Стало как-то и жутко, и радостно, и хорошо. Жию на завод — слыши инструмент, дела. Крепко жмут руки товарищи.

Прошай, тиска, станок, мастеровская, завод — наш учитель и воспитатель! До свидания, ребята!

Мы в училище. Все ново, странно, незнакомо. На курсе до 100 чел. Собрались ребята

со всех концов Советского Союза. Вот черныи парни с живыми глазами, с ивно канкальским акцентом, горючители в споре с флегматичным пермяком. Подаль весело хохочет украинец Петрус от какой-то шуточки, отпущенной Сергеем, потомственным пролетарем. Есть в этой массе людей и поляк, и белорус, и татарин, и еврей. Невольно пришла в голову мысль о том, как легко и просто разрешает советская власть ивпросто, давая возможность учиться каждому национальности. И все эта масса людей очень скоро станет тесной товарищеской семьей, объединенной одной мыслью, одной идеей — постигнуть флотские науки и премудрости, чтобы, став командирами, отдать все свои силы и энергию Советской Республике.

Начались страдные дни учебы. Конечно, учился в свое время, кое-что помню, но как-то тяжело было сразу приспособиться мозги к учебке. Это вначале сказало. Наазили на учебку с охоткой, а немного спустя стал хататься за голову. Пришлось послабать теми, чтобы, втянувшись, поднажать после.

Иредка, в свободные дни, навещали ребята, и я сам частенько заглядывая на завод — связь не порывал. Стал еще больше любить завод.

Зима прошла незаметно. Математика, физика, морское дело, сигналопроизводство, полнпредметы и многое другое, густо добренное общественно-массовой работой, стало содержанием нашей курсантской жизни. Стал подумывать о вступлении в партию. К концу учебного года меня и Сергея приняли кандидатами. Незаметно для себя мы росли политически и культурно. С жаром берясь за незнакомые предметы из флотской жизни и преодолевая их, мы готовились к легкому практическому главному.

Переходные зачеты дали хорошие результаты. В первый раз в жизни я поуду плавать на корабле, пусть хотя бы на парусной шхуне! Стоит она, красавица, перед училищем на Неве, возниа в серое летнее красное небо строгими мажками, опунтанные свастыи.

Родственный день наступил. Речи, пожелания, музыка, провожающие, приглагое в груди сердце... Мы на бусире пошлели в море, настремку бурим и непогодам.

Что нам сулит будущее? Стоя с другими у трота, мы радостно махали фуражками, а на сердце было чего-то грустно. Впервые надолго покидаем город Лениня, училище, завод, родных ребят.

А впрочем, в чем дело? Посмотрели друг на друга, засмеялись и дружно вглядились за аеральную работу.

Наша шхуна «Зубча», углая парусная лодка, берет на борт до 100 человек. Вертливая, послушная учебке, с большой парусностью, она ходит хорошо и прекрасно дер-

жится на волне. Какая красота, когда она, подиная все паруса, сверкая белизной на солнце, восточная, опрычтая, идет подлым ходом с попутным ветром! Белый туман за кормой еле-еле поспевает за ней на бакштове.

Выпалает иногда стоить верхнюю галзету. Четыре часа пролетит — и уходить ее хочется. Яркий солнечный день. Переа галзету — безбрежное море. Широко раскинувся Финский залив. Легкий бриз рбнот поверхность воды, и яркие переливы до боли режут глаза. Комбиниря, в зависимости от ветра, паруса, командир шхуны дает ей наилучший ход. Учебка тоже идет подлым ходом и в кибрике, и на палубе, а кое-кто, забавившись на ванты реку, привагивает лишние снасти и такелаж. Каждая минута на учебке — служба и учебка проходит по строго вышлени етому учебному расписанию.

В кругом — покой, тишина. В море — ни души. Лишь чайки играют за кормой, охотясь за работой и остатками пищи, вываливаемой нголда за борт. И так положе наша шхуна снаими парусами на этих безотрачных чаях...

Варуг с бака раздается голос вахтенного: — С правого борта видны два дыма. По левому боту видна лентка.

Глаза уперлись в бинокль, пристально всматриваемся. Черной узенкой полоской очернивается вдаль берег. И как-то «слелает» от него, с места приближаются дымы. Медленно дымы эти превращаются в едва заметные силноты, они растут все больше и больше, и, наконец, мимо нас прохлуд два «хуца» (торговых корабля): один — немец, другой — наш, советский, оба до отказа груженные импортным товаром.

И снова, но уже удаляясь, стали корабли медленно «сокращаться», пока совсем не скрылись за горизонтом. Но дожде это все делю в воздухе дымовое пятно.

Ребята, загорелые, бронзовые, здоровые, вчерашние такосы, слесаря, медники, колхозники, сегодня лоякими обезьянками выбегают по палубам до клетовки, балансируют по грот и прочим реям, подбирая паруса, или с напряжением нажимают на вестло на шлюпочном учении, или внимательно изучают карту.

Бывают дни, когда небо, захмурившись темными тучами, бушными ветрами взрешивает море. Ветер ревет, как медведь, которому наступили на лапу. Мачты вздрагивают и гнутель, выдерживая бушный напор на паруса. Сама шхуна прыгает, как молодой необъезженный конь — теперь только смотри в оба на штурвале! Меткость глаза и твердость руки тут нужны, как никогда. И тут полудню отбегать немалую. Но разве без нее была бы флотская жизнь и служба полной. Она необходима нам так же, как солнце, как само море, ибо в нем заключается курсант — будущий командир и краснорыцнец. И потому все так же бодро и даже весело борется с непогодой, как в тихие

РАДОСТЬ ЕСТЬ, ТОЛЬКО ДАВНО!

«Почему нет радости в жизни?» — спрашивает только что вступивший в союз Лободаев (см. в № 18 «Смена» очерк Михасова). Лободаев из числа тех смельчак, на прошедших неделях классовой борьбы комсомольцев, которые легко поддаются засылающему влиянию классового врага. Враг спекулирует на трудностях строительства социализма, на очередях за папиросами, на урезанных пайках. Раскрываем ли мы глаза тысячам таких, как Лободаев, на великий смысл того, что делается в нашей стране? Стоит ли себя тысячам таких, как Лободаев, не только членами своих членок, но и членами великой армии мировой пролетарской революции? Проверим свою работу с товарищами, а новым человеческим материалом, приходящим в союз. Близок IX съезд союза. Генеральная проверка должна бесстрашно вскрыть все недостатки низовых звеньев комсомола.

Павел Зяянец

НЕ НАСМЕХАТЬСЯ, А ПОМОГАТЬ

Лободаев очень болезненно реагирует на отрицательные факты нашей комсомольской практики, как волкуют с приемом в союз, замкнутость актива и т. д. «Натурально никакой не дали. Только секретарь и агитпроп носятся. Секретарь на сцене, а агитпроп сторожем у дверей». Те нагрузки, которые новичкам предостаются, например сбор мопедных взносов, не удовлетворяют их. Лободаева и других интересует изобретательство, но имеющийся при предприятии кружок технической грамоты ячейка не руководит. Я знал одного комсомольца Борисова, скатывавшегося впоследствии в пролетарскую оппозицию. Он тоже болезненно реагировал на это ненормальное положение с активом и нагрузками. А разве один только Борисов переделается ряд ступеней и целые группы комсомольцев — от вытвиков до враждебно настроенных.

Лободаев не против промфинландия и Днепрострой, но они тянутся к большому разоблачению. Его дает однакая сухость. «Куда ни пойдешь — везде о промфинландии говорят... Он протрягает руки к новой жизни во всем обоем. А разве промфинландия может затмить собой все остальные, жизненные?»

Дал ли старый комсомолец ответ Лободаеву по существу? Нет. Он уклончиво отвечал, высказал: наверно, тогда считает себя членским. Вмешало того чтобы дать всестороннее объяснение о причинах переживания товарищу года, старый комсомолец дает Лободаеву нотацию: «ты увидел, что папирос нет, и раскис... Вот лодырь — как бы Ильич посмотрел на такого комсомольца, у которого из-за исхлать папирос или чего-там руки опускаются... Хочется ответить, что Ильич меньше всего имел в виду в трудные годы смотреть на слабейших в борьбе, но наших, с горделивой усмешкой. Наоборот, он неутомимо подымал в них бодрость, с несравняющей ясностью разъясняя всю сложность переживаемого момента.

Мы должны осудить Лободаева за его идеологическую широкость, за то, что он идет по пути наименьшего сопротивления и безучастного отношения к строительству новой жизни. Его ошибкой также является то, что он на-за поступков отдельных борцов не видит, что делают партия и союз в целом, какие сдвиги происходят в многомиллионной массе трудящихся.

НА ДНЕПРОСТРОЕ.

Рис. А. Поваженского.

Надо поднять высоко знамя революционной самодриятки! Не уходять в сторону, а устремляться в гущу общественной жизни, на труднейшие участки борьбы! Может ли настоящий комсомолец в наше время находить в себе мысли, что нет радости в окружающей жизни? Мне кажется, что тому, с кем это происходит, следует серьезно поучиться быть настоящим комсомольцем в процессе действительной революционной борьбы и строительства.

Орловбург

А. Флягин

НОВИЧКИ ПРЕДОСТАВЛЕННЫ САМИМ СЕБЕ

Стройка идет бешеная. Звезды извиваются рельсы Турксиба, плещется pavimento тачка еще вчера пустовавшей фабрики, раздираются тысячи гектар под стальными ногами трактора. Жизнь кричит о себе. Жизнь зовет на борьбу, на победу.

Большое место в этой борьбе отведено комсомолу. Комсомол — это огонь в жерло домы, стусок стали, вогнанный в мост индустрии. Где комсомол — там жизнь.

Но вот приходит Лободаев и жалуется: «Днепрострой... И на хужье то же самое. Да что с того? Я вот у тебя спрашиваю: почему нет радости в жизни?... Куда ни пойдешь — везде о промфинландии говорят. Надеюсь...»

Лободаев «в тушке». Он растерян. Очереди, кризис папирос пугают его. Ему неизвестно «завтрашнее». «Сегодняшнее» наступает ему на болюе. Доводы старого комсомольца не убедительны. Было бы глупо опровергать его доказательства о сущности жизни. Все это верно. И Днепрострой, и самоотверженность, и призыв к работе. Но этого мало. Мало для комсомольца, у которого обывательщина сидит глубоко в нутре.

Наблюдая за новичками, я убедился, что не в одних хороших разговорах надо кормить ребят. У каждого новичка, на ряду с интересами общины, есть еще свои личные интересы. Они подчас бивают тяжелее, чем общест-

венных. Это и нужно понять, подметить, во-время занятости обработкой этого личного.

Мы до сих пор не занялись еще серьезной работой с новичками. Они предоставлены самим себе. И не удивительно, что ребята начинают себя обывательскими настроениями.

Лободаев заинтересован изобретательством, радуется. Но сухость в работе и бездеятельность ячейки рвет эту радость.

Из новичка мы не сделаем хорошего комсомольца, если не сумеем во-время подкачать его стремления, не сумеем дать должную поддержку ему и направлению.

И еще. С вновь вступившими в комсомол должна вестись упорная систематическая политико-воспитательная работа. Нужно делать запряжку так, чтобы новичок стоящие перед ним задачи знал не вообще, а всем своим нутром, каждой жилкой.

Ироловль

В. Паничкин

ВИНОВАТЫ СТАРЫЕ КОМСОМОЛЬЦЫ

Я сам комсомольский работник, работал секретарем коллектива на заводе. «Смена» на примере с Лободаевым подняла очень важный и острый вопрос о работе с новичками.

До вступления ребята в комсомол мы с ними хотя и не всегда хорошо, но работали. А как вступили ребята в союз — работа с ними как-то начинает змиряться. Мы уже думаем, что ребята стали на все сто сознательными и выдержанными, раз получили союзный билет.

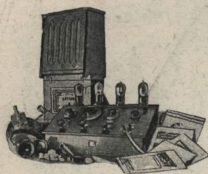
В настроении Лободаевых отчасти виноваты мы, старые комсомольцы. Но, конечно, нельзя на этом основании оправдывать лободаевские настроения — они не наши, не-пролетарские, с нами нужно бороться.

Практически преподавая: побольше повседневной серьезной работы с новичками, смеее втягивать их в общую работу комсомола, а не отталкивать, не чуждаться новых людей, как это делают многие активисты.

Москва. И-ский военный склад

Комплект 4-ламповой радиоустановки для клубов, красных уголков и изб-читален

Установка состоит из 4-лампового приемника типа БЧ, 8 шт. ламп микро; репродуктора, батарей накала и анода, шнура для батарей и репродуктора, а также комплекта антенны.

Установка высылается вполне готовая к работе и может быть включена немедленно по установке антенны.

В виду колебания цен на детали, цена от 160 р.

По желанию заказчика батареи могут быть заменены аккумуляторами с соответствующим изменением цены.

Радиопередвижка

В одном чемодане заключает в себе все необходимое для включения ее на работу по установке небольшой антенны.

Передвижка приспособлена для переноски, вес 15 килограмм, и может обслуживать рабочую группу в поле на юбевых работах и в лесу на лесозаготовках, а также при проведении экскурсий и массовых прогулках. Передвижка работает от антенны, представляющей собой отрезок в 30—40 метр в проволоку, вазелином или другим маслом к дереву или высокому столбу.

В чемодане расположены приемник, телефон и комплект антенны.

В крышке чемодана вделан репродуктор.

Цена всего комплекта 240 р.

Установка БЧ и передвижка высылается исключительно организациям по их заявкам.

БОЛЬШОЙ ВЫБОР ДЕТАЛЕЙ ДЛЯ СБОРКИ КОРОТКО- И ДЛИННОВОЛНОВЫХ ПРИЕМНИКОВ И ПЕРЕДАТЧИКОВ.

Упаковка и пересылка за счет заказчика по собоистности. При заказе обязательны аванс в размере 25% стоимости его для коллективных заказчиков и в размере 50% для индивидуальных заказчиков, остальное наложенным платежом (на товар, цены на которые здесь не указаны, аванс высылается по приблизительной стоимости).

Указывайте точно желаемое качество, сорта и упаковку заказываемых товаров. Пишите точный адрес: ближайшую ж.д. станцию и почтовое отделение. Перечисляйте заказываемый товар на денежном переводе, либо пишущий письмо к отрезно-ую купону в ред.

Заказы и деньги адресовать: Москва, «ГОНЕЦ», Моск. орская, 24/41

БОРЬБА ЗА ПОЛЮСЫ ЗЕМЛИ

Стремление человека узнать тайну полюсов, трагическая история гибели людей вослед ледяной, полярной и тибетской, «Италия» и Амурская, подвига «Красная», «Малыгина», «Седова» — темы 11 книг, бог то иллюстрированных и доступных малообразованному читателю. Цена библиотечки 9 р. 35 к.

БИБЛИОТЕКА ОТКРЫТИЙ, ПУТЕШЕСТВИЙ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Описание главнейших путешествий от средних веков до и ших дней, едственно во времена учения путешественников. Зарисовки природы, быт и население, на ряду с яркими описаниями путешествий — это и знают эти книги не только завораживают читателя, но и полезны с образовательных материалов.

Большинство книг иллюстрировано.

ГУБЕР, П. — Хоманде на Востоке Марло Полю 294 стр. Ц. 2 р. 50 к.

ДОБНАТ-РОМАНОВСКИЙ, О. — Истории в мемуарах, приключения Рачалы I, Львовое Сердце. 150 стр. Ц. 1 р.

ДРУЖИНИН, Н. — Приключения в горах Головкина. 188 стр. Ц. 1 р. 70 к.

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

22 книги о жизни знаменитых людей, путешественников, авиаторов, моряков, деловых людей и т. д. Много иллюстраций. Цена библиотечки 11 р. 45 к.

БИБЛИОТЕКА КОСМОПОЛЬЦА-АКТИВИСТА

40 книг, заключающих ответы на все вопросы космического движения и характеризующих современные задачи космополита в городе и деревне. Цена библиотечки 6 р. 70 к.

Все нужные вам книги высылает те чередом «ГОНЕЦ». Высылается вложкой, доставкой. Прислав деньги вперед за переводку не платит. Деньги и заказы адресовать: Москва, «ГОНЕЦ», Моск. орская, 24/41.

ЗА ПЕРЕДЕЛКУ БЫТА БИБЛИОТЕКА

из 23 книг, рассуждений об образе жизни, в форме обложки старого быта в современности (инженерство, образование, алкоголь, коммунизм и т. д.) и ретик новых форм быта и человеческого отпочкования. Цена 8 р.

НОВОЕ В НАУКЕ.

БИБЛИОТЕКА из 13 книг, заключающих обзор новых достижений физики, химии, биологии, геологии, медицины, астрономии и др. наук. Книги написаны популярным языком и составлены крупными научными работниками. Цена 6 р. 20 к.

ЧТО ЧИТАТЬ?

КАК юношеская печать участвует в социалистическом соревновании?

КАК работать с книгой?

КАК пользоваться газетой, журналом, книгой в работе и учебе?

КАК использовать прочитанное?

КАКИЕ издания хорошие и плохие к книги для молодежи?

ЧТО готовить и что писать для молодежной печати?

КАК комсомол и молодежь участвуют в продвижении печати в массы?

КАКИМИ практическими навыками должны обладать молодежные кадры, вовлеченные в работу с юношеской печатью?

На все эти вопросы исчерпывающие ответы даст **НОВЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ИНСТРУКТИВНО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ МОЛОДЕЖИ**

„КНИГА МОЛОДЕЖИ“

Орган ЦК ВЛКСМ.

Выходит с июля 1930 года.

„КНИГА МОЛОДЕЖИ“ необходима всюду, где есть **глаголющая** молодежь, необходима в каждой ячейке ВЛКСМ, **клубе, библиотеке, школе, красном уголке, вузе, изб-читальне.**

Цена отдельного номера 80 к. **НЕМЕДЛЕННО ПОДПИСАТЬСЯ** с июля до конца года.

Подписка: плата 6 мес. (6 явний, №№) — 1 р. 45 к., 3 мес. — 75 к. Подписка **ПРИНИМАЕТСЯ:** Перводотделом Госиздата РСФСР, Москва, Центр, Ильинка, 3; вл. Лениноград, Ленинград, пр. 25 Октября, 26; в отделениях, конторах и магазинных Госиздата РСФСР; у единоличных, стабильных, удостоверяющих, во всех конторах Союзпечати, во всех почтово-телеграфных конторах, а также у подписчиков. По г. Москве подписку надлежит направлять Московскому областному отделению Госиздата «Московский Рабочий» — Москва, Неглинный проезд, 9.